

Елена Энке

Он - море

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Энке

Он - море

«Автор»

2026

Энке Е.

Он - море / Е. Энке — «Автор», 2026

Мари — обычная девушка. Работа, метро, книжный клуб. Она смеётся над героинями ромфанта, которые падают в объятия тёмных красавцев, пахнущих сандалом и опасностью. «Я бы никогда», — говорит она. Судьба любит иронию. Однажды Мари просыпается в грязи незнакомого леса, в мире фейри. И вот он — холодный, опасный, с чешуёй на шее и жабрами. Он скрывает больше, чем говорит. Ему нужна её помощь. Ей нужен дом. Но в книгах всё просто. В жизни — нет. И чем ближе разгадка, тем труднее понять, где магия, где расчёт, а где чувства, от которых не спасают ни логика, ни сарказм. Она была уверена, что знает все сюжетные повороты. Оказалось, не знает ничего. И самое страшное — не монстры и не проклятие. Самое страшное — начать понимать, что в книгах всё было слишком просто. Намного проще, чем в жизни.

© Энке Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чай	5
Глава 2. Грязь	9
Глава 3. Жабры	17
Глава 4. Стены	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Елена Энке

Он - море

Глава 1. Чай

“...он вошёл в меня медленно, сочно, влажно, и я выгнулась, впиваясь ногтями в его широкие плечи. Его спина была покрыта шрамами — пересекающимися, белыми линиями на смуглой коже, которые я чувствовала кончиками пальцев, когда он двигался во мне. От него пахло сандалом и опасностью. Сильные руки сжали мои бёдра, притягивая к себе, и он ласкал меня жадно — будто хотел выпить каждую каплю моего стога, каждое движение, каждый вздох...”

— Де-ву-шка! — услышала я грокий серьёзный оклик прямо у себя над ухом.

Книга вылетела из рук и шлёпнулась на колени. Дежурная по вагону стояла на пороге с лицом замученной овчарки.

— Конечная. Выходим.

Я моргнула, поправила очки, слетевшие на кончик носа, и глянула в окно. Метро застыло, двери открыты, я последняя в вагоне.

— Спасибо, извините — выдавила я, запихивая книгу в сумку, и выскочила буквально за секунду до того, как створки сомкнулись у меня за спиной. Пришлось снова садиться в поезд и ехать обратно пару станций. Уже представляю как начальник скажет «Мари, вы снова опаздали, мы так не работаем!»

Сердце колотилось где-то в горле. Ну конечно. Дочитать до самого горячего момента, проехать свою станцию и чуть не уехать в депо. Шедевальное утро.

Я выдохнула, поправила очки и вышла из метро. В голове всё ещё кружился тот самый момент — шрамы на спине, сильные руки, жадные ласки. Я усмехнулась. Ну и пошлость. Но боже, как же я люблю эту пошлость. В жизни такого нет, а в книгах — сколько угодно.

Дорога до офиса была привычной до тошноты. Я знала каждый стык плитки, каждую вывеску, каждое дерево, которое упрямо росло на углу. Быстренько забежала в кофейню, снова купила латте, который пила здесь последние несколько лет — потому что привыкла. Я зашла в лифт, вдавила кнопку седьмого этажа и приготовилась к восьми часам серости.

Офис. Оупенспейс, двадцать одинаковых столов, перегородки, стук клавиш, бесконечные таблицы. Я плюхнулась в кресло, поставила кофе на подставку и включила ноутбук.

Туда. Сюда. Цифры. Отчёты. Совещание. План на квартал.

Я работала в хорошей компании, с хорошей зарплатой, на хорошей должности. Меня устраивали условия. Но иногда, глядя на бесконечные Excel-файлы, я ловила себя на мысли, что внутри меня есть что-то, что не хочет здесь находиться.

В обед я достала книгу и спряталась в пустой переговорке, чтобы дочитать ту самую сцену. На полпути я поймала себя на улыбке. Это же просто тексты. Ничего реального. Почему они заставляют меня чувствовать так, как не заставлял Макс уже пару лет? Я захлопнула книгу и задумалась.

После работы я вылетела из офиса и почти бежала до метро. Вечер был мой — книжный клуб, кафе, споры о сюжетных дырах, смех и никаких таблиц. Но сначала надо было заскочить домой.

Я влетела в квартиру, скинула на ходу неудобные туфли и сразу на кухню. Геральт сидел на тумбочке с видом оскорблённого достоинства, который он так хорошо умел изображать.

— Знаю-знаю, — сказала я, доставая пакет с кормом. — Прости, задержалась.

Он не удостоил меня ответом, только молча повернулся задом и демонстративно отошёл в сторону. Я закатила глаза, насыпала в миску, и мурлыканье в следующую секунду заглушило любые обиды.

— Вот ты вредина, — с улыбкой сказала я, почесала его за ухом и пошла в комнату переодеваться.

Макс сидел на диване. Телефон в руках, на экране мельтешила игра. Он даже не поднял головы.

— Я зашла переодеться, — сказала я, проходя мимо.

— Угу, — ответил он, не отрываясь от экрана. — Ты на ужин что планируешь?

— Я ухажу. Встреча с девчонками из клуба. Ты можешь поесть без меня, я хочу с ними посидеть, устала на работе.

— Ладно, — он наконец поднял на меня взгляд, но быстро вернулся к телефону. — А когда будешь?

— Не знаю. Как посидим. Не жди.

— Окей.

Я зашла в спальню, надела джинсы, худи, кроссовки, быстро собрала хвост. Гералт уже успел закончить есть и пришёл посидеть на пороге, глядя на меня с лёгким осуждением.

— Не смотри так, — сказала я ему. — Я вернусь и принесу тебе вкусняшку.

Гералт чихнул.

Я взяла рюкзак и крикнула в сторону гостиной:

— Я ушла!

— Ага, — донеслось из-за двери.

Я закрыла дверь, выдохнула и пошла вниз по лестнице.

Наконец-то.

Макс появился в моей жизни три года назад. Не как событие — как фон. Сначала он был другом моей подруги, потом просто моим другом, потом тем, кто остаётся ночевать, потом тем, кто помогает перевозить вещи. Я не помню, чтобы мы решали жить вместе. Это просто случилось — как случается простуда или осенняя хандра.

У нас есть ритуалы. Утром — две чашки на столе: его с сахаром, моя без. Вечером — он на диване с телефоном, я с книгой. Ночью — он на левом боку, я на правом. Между нами одеяло, которое мы не делим: каждый берёт свою половину.

Книжный клуб собирался в «Буквах и Кофе» — маленьком кафе в центре, где пахло ванилью и старой бумагой. Там уже сидели знакомые лица.

— Ну что, — сказала София, моя подруга, попивая матча-латте. — Дочитала?

— Дочитала, — ответила я, садясь за стол. — И я готова порвать её в клочья.

Все засмеялись. Вечер обещал быть весёлым.

Разговор начался. Мы начали обсуждать «Лунный свет и клыки» — очередной роман про тёмного фейри, который похищает человеческую девушку. Начало стандартное: героиня попала в мир фейри, через три страницы влюбилась в похитителя, через пять уже с ним спала.

— Это полный абсурд, — сказала я, откусив пирожное. — Только что она была в своём мире, переживала, не забыла ли выключить утюг, и тут же — здравствуй, мой властелин, забери меня в свой тёмный замок. Может, я одна такая, но если бы меня похитили в мир, где всё дышит магией, я бы сначала разобралась, куда я попала, где туалет и есть ли там вай-фай. А потом бы строила планы, как вернуться. И уж точно не бросалась бы на шею первому встречному тёмному лорду, как бы он ни был хорош.

София усмехнулась.

— А если он будет очень хорош?

— Если ты потеряла сознание и очнулась в незнакомом месте, то первое, что делает нормальный человек — это проверяет, цело ли содержимое его карманов. А не раздвигает ноги перед первым встречным с острыми ушами.

Все засмеялись. Я поправила очки и улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло. Вот это я любила. Иронизировать, спорить, доказывать свою правоту.

— Я в жизни бы так не поступила, — подытожила я. — Если бы я попала в мир фейри, я бы точно не стала героиней дарк романа, испортила бы им весь сюжет.

— Ой, Мари, ты такая правильная, — усмехнулась София. — Вот попала бы — и сразу бы побежала искать портал домой, даже не оглянувшись на красавчика?

— Абсолютно, — отрезала я. — Никакой романтики, только логика.

Все опять засмеялись.

И тут я услышала голос слева. Тихий, спокойный, чуть с хрипотцой.

— Ты так уверена?

Я повернулась. Лидия. Дама слегка за шестьдесят, но выглядела она так, будто время к ней относилось с осторожностью. Она сидела в углу стола, подперев щеку рукой, и смотрела на меня с тем самым выражением — полуулыбка, хитрый прищур. Я не сразу поняла, что она там всё это время.

Но сейчас я почувствовала, как внутри что-то ёкнуло.

Она была странной. Всегда. Серая, длинная юбка в пол, несколько слоёв шерстяных платков, не по погоде, и огромное количество браслетов — кожаных, металлических, с камнями — покрывали её запястья почти до локтя. На шее висела подвеска на длинном шнурке, похожая на старую монету, а пальцы были унизаны кольцами, многие из которых выглядели так, будто им лет сто. Она пахла ладаном и сухими травами, и в этом запахе было что-то успокаивающее и тревожное одновременно.

Она никогда не говорила много. Просто слушала, попивала свой чай и иногда улыбалась с таким видом, будто знала нечто, чего остальные не знали. И каждый раз, когда я видела её в кафе, я ловила себя на мысли: «Что она здесь делает? Как она вообще оказалась в нашем книжном клубе?» Но я никогда не спрашивала. Казалось, что спрашивать неудобно. Или что ответ мне не понравится.

— Уверена, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала. — А что?

Лидия чуть наклонила голову, разглядывая меня, будто видела в первый раз.

— Просто интересно, — ухмыльнулась она. — Ты так громко кричишь о том, что не попала бы в такую историю. Как будто сама себя уговариваешь.

— Я не уговариваю, — нахмурилась я. — Я просто знаю, что бы я делала. Это называется логика.

— Логика, — повторила Лидия, и в её голосе послышалась едва заметная насмешка. — А что, если ты уже попала? Просто ещё не знаешь об этом?

Я замерла. Она смотрела на меня в упор, и в её взгляде было что-то странное — как будто она знала то, чего не знала я.

— Ты странно говоришь, ты что, предсказательница? — спросила я с явной усмешкой и закашлялась, кажется кусочек пирожного попал не в то горло.

— Нет, — ответила она спокойно.

Она подвинула ко мне маленькую кружку с тёмной, мутноватой жидкостью.

— На, запей. Не надо так спорить с набитым ртом.

Я посмотрела на кружку. Пахло травами, мёдом и ещё чем-то незнакомым, что я не могла определить. Я с детства ненавидела травяные чаи — они всегда пахли лекарством. Бабушка заваривала чай каждый вечер. Она доставала с полки жестяную банку — с вмятиной на боку,

будто кто-то когда-то уронил её на кафедру, — открывала крышку, и кухня наполнялась запахом мяты, чабреца и ещё каких-то трав.

«Пей, — говорила она, ставя передо мной кружку. — Это полезно.»

Я морщилась. В семь лет я ненавидела этот чай. В двенадцать — терпела. В пятнадцать — пила, потому что бабушка смотрела. После её смерти я нашла ту банку. Открыла. Понюхала. Закрыла. Выбросить не смогла — она до сих пор где-то в шкафу, в квартире, которую я делю с Максом. Между банкой с солью и коробкой чая в пакетиках, который мы покупаем в супермаркете.

Я открыла рот, чтобы отказаться, но Лидия уже смотрела на меня с лёгкой насмешкой.

— Боишься пить из чужой кружки?

Я фыркнула.

— Ничего я не боюсь.

И взяла кружку.

Сделала глоток. Вкус был странным — терпким, сладковатым, с ноткой чего-то острого. Я поморщилась, но решила не показывать виду.

— Ну как? — спросила Лидия.

— Нормально, — соврала я. — Только травяной.

Она улыбнулась той же хитрой улыбкой, и в этот момент я почувствовала, как по позвоночнику пробежал холодок.

— Что-то не так? — спросила София взволнованно.

— Всё нормально, — пробормотала я, уже чувствуя, как в голове начинает кружиться. — Просто... устала, наверное.

Я сделала ещё глоток, просто чтобы не выглядеть странной. И почувствовала, как мир начинает плыть. Тьма сгустилась. Последнее, что я слышала, был смех Софии, которая что-то говорила про роман, а потом — тишина.

Глава 2. Грязь

Я проснулась от того, что нос забился грязью.

Не воздухом, не пылью - именно грязью, тёплой, липкой, пахнущей болотом и прелой листвой. Я дернулась, вдохнула- и чуть не захлебнулась. Откашлялась, сплюнула чёрную жижу и с трудом приподняла голову, вытирая лицо и очки ладонью, которая оказалась ничуть не чище.

— Твою же мать, — выругалась я.

Голова раскалывалась, будто по черепу несколько раз прошлись кувалдой. Висок пульсировал тупой болью. Я села, опершись руками о мокрую землю, и замерла.

Вокруг был лес. Настоящий, тёмный, непроглядный, совершенно незнакомый мне лес. Стволы деревьев толщиной с мою талию уходили куда-то вверх, теряясь в густой кроне, которая почти не пропускала свет. Воздух стоял влажный, тяжёлый, с привкусом мха и какой-то плесени. Где-то вдалеке кричала птица, но голос у неё был неестественный- слишком пронзительный, будто кто-то играл на флейте в расстроенной гамме, такого я раньше не слышала.

Я моргнула. Ещё раз. Нихрена не изменилось.

— Бред какой-то, — сказала я вслух. Голос прозвучал сипло и неуверенно, как у человека, который только что вылез из могилы.

Я оглядела себя. Джинсы, худи, кроссовки — всё мокрое, в грязи и каких-то зелёных разводах, похожих на сопли. На худи красовалась дыра на локте, и мои рыжие волосы, обычно яркие, как осенний лист, теперь превратились в грязные, спутанные сосульки, прилипшие к лицу и шее. Карманы были пусты. Ни телефона, ни ключей, ни кошелька. Вообще ни хрена. Только полупустая пачка жвачки в заднем кармане.

— Класс — выдавила я, чувствуя, как где-то внутри нарастает истерика. — Просто охуенно.

В голове звенела пустота. Я пыталась вспомнить, что было до этого, но в памяти зияла дыра. Кафе. Да, мы сидели в кафе с девчонками, книжный клуб, споры... этот дурацкий роман про попаданку, где героиня потеряла сознание и сразу побежала целоваться с тёмным эльфом. Я распиналась, доказывая, что так не бывает, слишком много сюжетных дыр, героиня глупенькая... А потом Лидия — эта странная тётка — сунула мне кружку с какой-то мерзкой травяной жижей, «На, выпей». Я выпила, потому что неудобно было отказывать. И всё. Потом пустота.

— Ну, сука, — прошептала я, хватаясь за голову. — Если она мне что-то подмешала, я её... я даже не знаю, что я с ней сделаю. Напишу заявление в полицию, блин.

Дедушка учил меня ходить по лесу. Не по парку — по настоящему, где нет тропинок, где деревья стоят стеной, где можно заблудиться и не выйти. Ему было семьдесят два, но он ходил быстрее меня. Я за ним едва успевала, спотыкалась о корни, хваталась за ветки.

«Смотри под ноги, — говорил он. — Не на верхушки. Под ноги.»

Он останавливался, закрывал глаза и стоял так минуту. Я думала — шутит. Потом поняла: не шутит. Слушал. Ручей. Ветер. Птиц. «Если заблудилась — иди по ручью. Ручей приведёт к реке, река — к людям».

Я огляделась. Лес вокруг был чужой — деревья толщиной с башню, мох, который светился, тишина, в которой не было ни ручья, ни ветра. Только моё дыхание.

— Тут нет ручья, — сказала я вслух.

Никто не ответил. Дедушки не было уже несколько лет.

Я с трудом поднялась на ноги. Колени дрожали, ноги были ватными. Я оперлась о ближайшее дерево и отёрнула руку — кора была тёплой и пульсировала под пальцами, как живая. Я сглотнула, чувствуя, как внутри закипает паника.

— Спокойно, Мари, спокойно, — забормотала я, закрывая глаза. — Ты просто спишь. У тебя был тяжёлый день в офисе, ты перегрелась, или это был странный чай с галлюциногенными грибами. Ты откроешь глаза и будешь дома. Геральт будет сидеть на твоей груди и мурлыкать от почесушек. Макс будет в гостиной на диване играть в чёртов футбол на приставке. Всё будет хорошо, всё будет как обычно.

Я открыла глаза.

Лес никуда не делся.

И тут земля под ногами дрогнула.

Я вжалась в дерево, судорожно вцепившись в кору, и вытаращилась на тропу, которая вилась между деревьями в двадцати метрах от меня. Земля ходила ходуном. Кто-то большой, очень большой нёсся прямо в мою сторону, сметая кусты и взрывая копытами (или лапами) землю.

Из-за поворота вылетела *она*. Я не сразу сообразила, что это, а когда сообразила- у меня остановилось сердце.

Ящерица. Огромная, блядь, ящерица размером с мою машину. Вся в тёмно-зелёной, переливающейся золотом чешуе, с когтистыми лапами, которые оставляли в земле ямы, и длинным хвостом, волочащимся сзади. На её спине сидел мужчина в зелёном плаще, с острыми ушами, длинными светлыми волосами и луком за плечом. Фейри?! Настоящий, мать его, фейри, каких рисуют в дешёвых фэнтези-сериалах.

Он пронёсся мимо меня, даже не взглянув в мою сторону. Я стояла с открытым ртом, чувствуя, как ветер от его проношения ударил мне в лицо. Ящерица исчезла за поворотом через пару секунд, топот начал затихать.

Я медленно выдохнула, чувствуя, что у меня подгибаются ноги.

— Так, — сказала я сдавленным шёпотом, опускаясь на колени. — Это была ездовая ящерица. Я только что видела ездовую ящерицу с эльфом верхом. — Я засмеялась. Смех получился нервным, истеричным и почти визгливым. — Я либо свихнулась, либо меня затянуло в один из этих дурацких любовных фэнтези-романов, которые я весь вечер поливала дерьмом.

Я села прямо на землю, обхватив себя руками, и уткнулась лбом в колени. Трясло меня так, что зубы стучали.

— Я хочу домой, — прошептала я в пустоту. — Я хочу к коту. Геральт без меня сдохнет с голоду, придурок мой пушистый. Он меня ждёт. А Макс, скорее всего, даже не заметил, что я пропала, потому что он всегда в своём телефоне или приставке. Я хочу домой, блин!

Я сидела так несколько секунд, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. Лес вокруг был тихим. Слишком тихим. Даже та странная птица умолкла. В абсолютной тишине я услышала, как кто-то кашлянул. Где-то совсем рядом. Сверху.

Я медленно подняла голову.

На корявом суку, прямо над моей головой, сидел... хрен знает кто. Маленький, коренастый, с огромной седой бородой, в которой торчала какая-то крошка, похожая на кусок хлеба. На голове — войлочная шапка, засаленная до блеска. Одет в малюсенький поношенный комзол, уже больше напоминающий лохмотья. Глаза — хитрые, прищуренные, смотрели на меня с неподдельным любопытством, как на таракана, который неожиданно заговорил.

Он жевал соломинку и не торопился ничего говорить.

Я застыла. Мы просто смотрели друг на друга. Он — сверху, я — снизу, сидя в грязи с открытым ртом.

— Ты кто? — выдавила я наконец.

Он сплюнул соломинку, почесал бороду, выковырял из неё крошку, сунул в рот, прожевал и только потом ответил:

— Брауни я. А ты, человеческая женщина, откуда здесь?

Голос у него был низкий, хриловатый и звучал так, будто он не привык разговаривать с людьми — а если и привык, то не очень-то это любил.

Я моргнула, пытаюсь переварить слово «человеческая». Брауни. Я знала, кто такие брауни. Читала. Маленькие человечки с ушами как у эльфов, вроде домовых, ворчливые, любят порядок и ненавидят, когда их беспокоят. Но обычно они не разговаривают с людьми. И уж точно не сидят на ветках и не выглядывают из леса.

— Я... не знаю, — честно призналась я. — Я очнулась здесь. Прямо в грязи лицом.

Брауни прищурился. Его взгляд скользнул по моей одежде — по мокрым джинсам, порванному худи, кроссовкам, заляпанным грязью. Он нахмурился, будто разглядывал что-то непонятное.

— Странно одета, — сказал он. — И пахнешь странно. Как ты тут оказалась?

— Я из... — я запнулась. — Из другого места. Далеко отсюда.

Брауни помолчал. Слез с ветки — легко и бесшумно, хотя казался неуклюжим. Подошёл ко мне вплотную, обошёл по кругу, приюхиваясь как собака, и остановился напротив.

— Другого места, — повторил он с сомнением. — Значит, не просто заблудилась. Интересно. Очень интересно.

Он посмотрел на меня с прищуром и вдруг улыбнулся — но улыбка получилась какой-то кривой, недоброй, хотя он и пытался казаться дружелюбным. Я даже не сразу поняла, что меня насторожило. Просто что-то было не так в этой улыбке. Слишком быстрая, слишком хитрая.

— Ну что ж, человеческая женщина, — сказал он, снова становясь безразличным. — Одна ты здесь не выживешь. Лес этот опасный, твари здесь разные бегают. А ночью станет ещё хуже.

Я сглотнула. Он был прав. Я не представляла, куда идти и что делать. Вокруг — только лес, а я без телефона, без еды, без понятия, где нахожусь.

— И что прикажешь мне делать? — спросила я тихо.

Брауни почесал бороду, делая вид, что раздумывает.

— Я бы сказал — иди в замок. Он недалеко, пара часов ходу. Там тебя примут, дадут помыться, накормят, оденут нормально. А то вид у тебя — страшно глянуть.

— В замок? — переспросила я настороженно. — А там не... ну, не убьют меня?

Брауни фыркнул.

— Не убивают они просто так. Ты для них кто? Чужачка. Пришла не с оружием, не с магией. Просто грязная девка в странной одежде. Выслушают, накормят, потом отправишься куда захочешь.

Я задумалась. Логично. Я не знаю этого мира, не знаю, где тут люди, как отсюда выбраться. А он — брауни, какой-то местный, вроде не выглядит злым. Просто ворчливый дед. Это лучше, чем сидеть в лесу одной до темноты.

— Ладно, — выдала я. — Веди.

Брауни кивнул и развернулся, не глядя, иду я за ним или нет.

— Идём, идём. Только не отставай. У меня дел полно, времени на тебя нет.

Я поднялась на ноги, колени дрожали. Пошла следом, чувствуя, как грязь хлупает в кроссовках. Брауни шагал быстро для своих коротких ног, то и дело оглядываясь — проверял, не отстала ли я.

— А тебя как зовут? — спросила я, пытаюсь разрядить тишину.

— Бормотун, — буркнул он не оборачиваясь. — И не заговаривай со мной. Я не люблю болтать.

Ну конечно.

И он замолчал. Но я заметила, как он довольно усмехнулся в бороду. Он вообще не выглядел недовольным, что его так отвлекают от дел. Скорее наоборот — он казался возбуждённым, хотя и пытался это скрыть.

Мы шли через лес около часа. Я спотыкалась о корни, пару раз падала, поцарапала руки о какие-то кусты. Бормотун не помогал, но и не торопил — просто ждал, пока я поднимусь, и снова шагал дальше. Иногда я ловила на себе его быстрые, изучающие взгляды, но стоило мне поднять глаза — он отворачивался.

Я шла и думала. Брауни. Замок. Фейри. Звучит как типичный любовный роман, которые я читаю в метро. Только вот я всегда смеялась над героинями, которые шли в незнакомое место с первым встречным существом. «Глупости, — думала я. — Если бы я попала в магический мир, я бы ни за что не доверилась незнакомцу. Даже если он выглядит безобидным. Особенно если выглядит безобидным».

И вот я здесь. Иду за брауни, которого вижу впервые в жизни, в замок, о котором понятия не имею.

Ну, прекрасно. Просто офигенно.

Я пыталась убедить себя, что поступаю логично. Он прав — в лесу темнеет, я без оружия, без еды. Замок — это хотя бы крыша над головой. Да и что мне терять? Я уже в другом мире, хуже не будет.

Лес потихоньку расступался. И тут я увидела замок.

Я остановилась. На несколько секунд у меня перехватило дыхание.

Это была не просто каменная стена с башнями. Это был форт. Мощное, приземистое строение из тёмного, почти чёрного камня, которое стояло прямо на краю обрыва. Где-то внизу, за его стенами, я слышала глухой, монотонный шум — прибой. Море. Я была у моря, сама того не заметив.

Замок был огромным. Стены уходили вверх метров на десять, сложенные из крупных, грубо отёсанных камней, пропитанных солью и временем. В некоторых местах камень обвалился, и зияли чёрные провалы — будто кто-то вырвал куски из стен и не стал возвращать. Одна из башен, самая высокая, была наполовину разрушена. Её верхняя часть отсутствовала — не обрушилась, не осыпалась, а именно была отломлена, как будто какой-то гигант взял и откусил её. Огромный каменный обломок лежал рядом, у самого края обрыва, вросший в землю и покрытый мхом.

Ворота замка были массивными — тяжёлые створки из тёмного металла, покрытые ржавчиной и солью. Они выглядели так, будто их не открывали уже несколько десятилетий. Где-то на створках я разглядела потускневший герб — силуэт морского змея, обвивающего башню.

Ни огня в окнах. Ни движения. Ни звука голосов. Только ветер, который гулял по камням, и море, которое шумело внизу.

Замок казался мёртвым. Заброшенным. Жутким.

Я остановилась, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Всё это было слишком реальным. Слишком. Но Бормотун уже толкал тяжёлую калитку в стене, жестом приглашая меня войти.

— Входи, — сказал он. — Здесь тебе помогут.

Я вошла.

Внутри оказался небольшой двор. Пустой. Холодный. Каменные стены высокие, давящие. Где-то в углу стояла скамья, больше ничего. Никаких слуг, ни-ко-го. Только холодный темный камень и тишина.

И калитка за моей спиной закрылась.

Я обернулась. Калитка захлопнулась. Бормотун стоял у неё, опершись на стену, и смотрел на меня уже совершенно другим взглядом — не хитрым, а довольным. Улыбка на его лице стала откровенно насмешливой.

— Что... — начала я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Что за фигня?

— Всё хорошо, человеческая женщина, — сказал он мягко. — Всё хорошо. Ты просто немного задержишься здесь.

— Что значит «задержусь»? — выдохнула я, чувствуя, как голос начинает дрожать. — Ты сказал — помыться, поесть...

— А ты поешь, — спокойно ответил Бормотун. — И помоешься. Прямо здесь, в замке. Я же не соврал. Просто не сказал, что обратно ты уже не выйдешь.

Я обвела взглядом пустой двор. Ни одного живого существа. Только я и этот маленький бородатый предатель.

— Здесь же никого нет, — сказала я, и мой голос дрогнул.

Бормотун усмехнулся.

— Есть. Просто ты их пока не видишь. Они скоро придут. Как только узнают, что у нас гостя.

— Какая ещё гостя? — почти выкрикнула я. — Я ничего не сделала! Я просто хочу домой!

— Домой, — повторил Бормотун с каким-то странным любопытством, будто пробовал слово на вкус. — Ну, домой тебе пока не получится. Ты — человеческая женщина. А здесь, в этих землях, человеческая женщина — это редкость. Большая редкость.

Я замерла.

Человеческая женщина. Редкость. Мой мир — книги — щёлкнул в голове сотней прочитанных страниц. Я знала этот сюжет. Читала его в каждом втором романе. Обычная попаданка оказывается в волшебном мире, и её тут же хотят использовать. Для магии. Для проклятий. Для снятия проклятий.

Я думала об этом, стоя в пустом дворе, грязная, мокрая, с дыркой на локте, и смотрела на маленького бородатого предателя.

Боже. Я же смеялась над такими героинями. Я говорила: «Это же очевидно! Это же предсказуемо! Ты что, не знала, чем это кончится?»

Знала. Читала. Сто раз.

И всё равно попалась.

— Ты меня обманул, — сказала я, чувствуя, как в груди закипает злость. — Ты с самого начала знал.

Бормотун пожал плечами, не скрывая ухмылки.

— Ну, ты бы не пошла, если бы я сразу сказал: «Пойдём, я тебя закрою в замке до прихода хозяина». Я не дурак, человеческая женщина. Я брауни. Мы хитрые.

Я сделала шаг вперёд, сжимая кулаки.

— Живо открой дверь!

— Это невозможно. Калитка открывается только снаружи, а я — внутри. И магия мне не подчиняется, потому что я простой брауни.

Я застыла. Потом, не сдержавшись, ударила ногой по калитке. Больно. Камень — он и есть камень. Я выругалась сквозь зубы. Я смотрела на него и чувствовала, как внутри всё кипит. И одновременно — как где-то глубоко, на самом дне, просыпается истерическое желание рассмеяться.

Ну, конечно. Я, которая зачитала все книги про попаданок, которая знала наизусть все ловушки и все стандартные ошибки героинь, — попалась на первую же удочку.

Он сказал «помыться и поесть», и я пошла. Я, блядь, пошла.

Браво, Мари. Браво.

Я опустила на холодные камни двора, обхватила колени руками и уткнулась в них лбом.

— Трофей, — пробормотала я в пустоту. — Я трофей. Ну конечно. Всё как в книгах. Только в книгах у героини уже был план, а у меня — пачка жвачки в кармане.

Брауни исчез. А я осталась одна, сидя на камнях, в пустом дворе, в чужом мире, и с осознанием, что я только что совершила самую тупую ошибку в своей жизни. Двор был тихим. Слишком тихим. Только ветер гулял между стен и завывал где-то в башнях. Я сидела, обхватив

себя руками, и пыталась осознать происходящее. Грязная. Мокрая. В мире, где нет связи, нет Геральта, нет Макса.

Я прижала колени к груди и уткнулась в них лбом. Слезы снова подступили к глазам, и я дала им волю. Стыдно? Да плевать. Вокруг никого, только камни и этот бородатый брауни.

— Геральт, — прошептала я в пустоту. — Мой бедный кот. Он меня ждёт. Он сидит на подоконнике и смотрит в окно. А я здесь, в какой-то заднице миров, и меня держат как трофей.

Я вытерла лицо рукавом, но толку было мало — рукав и так был мокрым от грязи. Я горько усмехнулась.

Я подняла голову и посмотрела на серое небо, которое просвечивало сквозь облака.

— Но нет, я же теперь героиня фэнтези-романа, — прошептала я с сарказмом, чувствуя, как в груди поднимается истерический смех. — По закону жанра сейчас появится он. Красавчик. Сильный. Мужественный. Опасный как сама смерть. С горящими глазами, татуировками и шрамами на лице. Он будет смотреть на меня так, будто я — смысл его существования, и через пару глав мы уже будем заниматься самым страстным сексом, который даже вообразить себе сложно.

Я вздохнула и уткнулась лицом в колени.

Только мне этого добра не надо. Мне надо домой. К Максy, к коту. К его мурлыканью и вечным требованиям еды. К тёплой постели и нормальной жизни. Мне не нужен принц на белом коне или дракон с крыльями. Мне нужен мой пушистый кот-батон и хотя бы один человек, который заметит, что я пропала. Ну или хотя бы кот.

В книгах это выглядело красиво. Героиня сидит в древнем замке, ветер завывает, свечи дрожат, и она ждёт его — загадочного, опасного, с глазами, в которых тонет Вселенная. В книгах у неё не саднил локоть, как сейчас у меня. В книгах у неё не сводило живот от голода так, что казалось, будто внутри кто-то скручивает пустой мешок в тугой узел. В книгах она не чувствовала, как холодный камень впивается в лопатки, как сырость пробирается под одежду, как каждый шорох за спиной заставляет сердце пропускать удар — а потом колотиться где-то в горле, часто и мелко, как птица в клетке. В книгах было приключение. Здесь было просто страшно. И голодно. И очень, очень одиноко.

Я сидела в тишине, чувствуя, как холод пробирает до костей. В замке было сыро и неуютно. Камни пахли мокрой землёй и чем-то старым. Где-то наверху завывал ветер, и казалось, что этот звук проникает прямо сквозь стены.

Слезы высохли. Осталась только пустота, а следом за ней — глухая, тягучая злость.

На себя, в первую очередь.

Я подняла голову и уставилась в серые камни напротив.

— Так, Мари, — отчеканила я. Голос прозвучал хрипло, но твёрже, чем раньше. — Хватит ныть.

Я вытерла лицо, насколько это было возможно, и глубоко вдохнула. Холодный воздух обжёг лёгкие, но это даже помогло — прояснило голову.

— Остановись. — сказала я сама себе. — Можно ныть, но это не решит проблему, надо действовать. Мне двадцать семь, уже не маленькая. Я работаю в офисе на хорошей должности, и окончила универ с красным дипломом, уж чего-то я уже в своей жизни добилась. Да, читаю любовное фэнтези в метро и смеюсь над сюжетными дырами, но здесь это плюс. Моё преимущество. Моя сила. Я знаю, как устроены эти миры. Читала сотни книг. Сотни.

И я попала на удочку брауни, который сказал «поесть и помыться».

Охрененно.

Но это было в первый раз. Я была в шоке, без телефона, без связи, только что упала лицом в лужу. Теперь я в порядке. Теперь я знаю, где я и что тут к чему.

Я поднялась на ноги, отряхнула джинсы — бесполезно, грязь уже въелась, но сам процесс придал уверенности. Пошла по периметру двора, изучая стены. Высокие. Гладкие. Никаких

выступов, за которые можно зацепиться. Вверху — узкие окна без стёкол, но до них метров семь, не меньше.

— Так, — пробормотала я, останавливаясь посередине. — Допустим, я не могу выбраться через стены. Допустим, калитка открывается только снаружи. Допустим, магия мне не подчиняется.

Я скрестила руки на груди, постукивая пальцем по локтю.

— Значит, мне надо, чтобы меня выпустили. Или чтобы я сама нашла способ их перехитрить.

Я начала ходить по кругу, как делала всегда, когда нужно было придумать план. Камни под ногами были холодными и неровными.

— Что я знаю о фейри? — спросила я саму себя. — Они живут сотни лет, практически не стареют, некоторые из них обладают магией. Они не могут лгать прямо, но и не говорят всей правды. Полуправда — их любимая игра. Как у Бормотуна. Он сказал, что я поем и помоюсь. Он не соврал. Он просто не сказал, что обратно я не выйду.

Я остановилась и посмотрела вверх, на серое небо.

— Значит, если я хочу выбраться, мне нужно задавать правильные вопросы. И не верить ни одному обещанию.

Я снова зашагала.

— Дальше. Фейри не могут нарушить данное слово. Если кто-то из них поклянётся — он обязан выполнить. Значит, мне надо добиться клятвы. Прямой. Конкретной. Без лазеек.

Я почувствовала, как внутри закипает предвкушение. Ярость уходила, уступая место азарту.

— И ещё: я человек. Человеческая женщина. Редкость. Значит, я им нужна. Зачем? Понятия не имею, но раз я ценность — меня не убьют. По крайней мере сразу. И я могу торговаться.

Я остановилась, подняла руку и начала загибать пальцы:

— Первое: не верить на слово.

— Второе: добиваться клятв.

— Третье: выяснить, зачем я им нужна.

— Четвёртое: найти слабое место.

Я опустила руку и усмехнулась.

— И пятое: не наступать на те же грабли дважды.

Я обвела взглядом двор, и впервые за всё время страх отступил. Он всё ещё был где-то внутри, но теперь ему не давали разрастись.

— Читала я такие книжки, — выдохнула я в пустоту. — И каждый раз смеялась: «Ах, какая глупая героиня! Ну как можно было не догадаться?» А теперь я сама в центре такого сюжета. Ну что ж.

Я села на скамью в углу двора, поджав под себя ноги, и уставилась на главный вход, за которым скрылся Бормотун.

— Будем играть по вашим правилам, — прошептала я. — Вот только я читала все книги про такие игры. И знаю, чем они обычно заканчиваются. Поверьте, я не подпишусь на роль наивной дурочки.

Я откинулась на холодную каменную стену и закрыла глаза.

— Макс, Геральт, я вернусь. Честно. Просто дайте мне немного времени, чтобы придумать план.

Я открыла глаза и посмотрела на тёмный проём главного входа.

— Ну, давай, красавчик, выходи. Посмотрим, что ты за фрукт, и что тебе от меня надо.
Тишина.

Я ждала.

И внутри, в груди, разгорался холодный, тихий огонь — не страха, не злобы, а простого человеческого желания выжить и вернуться домой.

Глава 3. Жабры

Я сидела так несколько минут. Тишина давила. Я уже начинала замерзать по-настоящему, когда услышала шаги.

Не такие, как у Бормотуна. Тяжёлые. Медленные. Уверенные. Кто-то шёл по коридору за главным входом, и каждый шаг отдавался эхом в пустом дворе.

Я встала. Выпрямилась. Сложила руки на груди и постаралась выглядеть так, будто мне не страшно.

Дверь открылась.

И он вышел.

Я слышала, как замирает сердце. Не от страха — от того, что он был именно таким, каким я себе его представляла. Всё по канону. Слишком красивым. Слишком опасным. Слишком реальным.

Он был высоким. Очень высоким. У нас такие парни разве что среди баскетболистов. Уши с удлинёнными острыми кончиками, слегка загнуты вверх. Тёмные, иссиня чёрные волосы мокрыми прядями падали на плечи, и на них блестели капли воды. Он был босиком — просто вышел на холодный камень босиком, как будто ему было всё равно. Широкие плечи, узкие бёдра, бледная, почти синеватая кожа, которая в полумраке казалась прозрачной.

Он прошёл мимо скамьи, не глядя на меня. Его руки были в карманах тёмного камзола со странным воротником под самое горло.

Он остановился в центре двора, повернулся ко мне, и я увидела его глаза. Сине-зелёные, холодные, как морская глубина. И зрачки — горизонтальные, щелевидные, как у змей. Он моргнул как это делают рептилии, и я чуть не отшатнулась.

За ушами я заметила тонкие разрезы — жабры. Они пульсировали в такт дыханию, полупрозрачные, почти невидимые, но когда он повернул голову, свет упал на них, и они блеснули влагой.

Он посмотрел на меня. Не как на человека. Как на насекомое, которое случайно залетело в его дом.

— Ты Мари, — начал он.

Не вопрос. Утверждение.

Голос у него был низким, чуть хриловатым, и в нём слышался едва уловимый звук — что-то вроде шипения, которое он не мог контролировать.

Я подняла подбородок.

— А ты, я так понимаю хозяин этого склепа?

- Хмм. Да, это мой замок. Я - Люциус.

Я моргнула.

Люциус.

Серьёзно?

Я сдержала улыбку, но внутри уже всё хохотало. Люциус. Блядь. Ну конечно. Самый клишированный вариант из всех возможных. Тёмный принц, красавчик, опасный, имя как у злодея из всем известного фэнтези. Первое фэнтези в моей жизни. Люциус Малфой. Тот ещё гад, но хотя бы у него были хитрые планы, а не только жабры и мокрые волосы. Люциус. Ну кто бы сомневался.

— Бормотун сказал, что ты из другого мира.

— Да, — ответила я. — И я хочу домой.

— Ожидаемо, — сказал он. — Но ты не уйдёшь. Пока не поможешь мне.

Я скрестила руки на груди, чтобы скрыть дрожь.

Вот в чем дело. Всё как я и думала, ему действительно что-то от меня нужно.

— Я помогу. И ты поможешь мне. Отправишь меня домой, я знаю, что у вас у всех есть фейская магия или какие нибудь порталы. И еще дашь слово. — уж теперь то я не попадусь, четко проговоренный договор с фейри, только так.

Он усмехнулся. Усмешка получилась холодной, почти злой.

— Я не даю слов смертным.

— Тогда я не помогаю.

Он сделал шаг ко мне. Один. Второй. Его босые ноги ступали по камням бесшумно, как у зверя. Я почувствовала, как кожа покрывается мурашками, но стояла на месте.

Он остановился прямо передо мной. Я чувствовала холод, который исходил от него, и запах — мокрого камня и соли.

— Ты боишься меня.

— Нисколько, — соврала я.

— Врёшь, — бросил он забавляясь, уголок его рта слегка искривился в усмешке, — Я же вижу. Твоя кожа холодная. Ты вся дрожишь.

Я сжала зубы и посмотрела ему в глаза. В его змеиные, плоские, безжизненные глаза.

— Я замерзла, — фыркнула я. — Ты живёшь в холодильнике.

Он смотрел на меня. Долго. Потом его губы дрогнули в подобии улыбки.

— Ты интересная, — прошипел он.

— Я не игрушка!

— Нет, — согласился он. — Ты решение.

Он развернулся и пошёл к главному входу. Остановился в дверях, не оборачиваясь.

— Бормотун покажет тебе комнату. Выспись. Завтра поговорим.

Он шагнул внутрь, и дверь за ним закрылась.

Я стояла одна, чувствуя, как ноги трясутся, а сердце колотится где-то в горле.

— Боже, — прошептала я. — Он ещё страшнее, чем в книгах.

Я медленно опустилась на скамью и закрыла глаза.

— Ладно. Ты справишься. Ты читала это. Ты знаешь, как играть. Они все одинаковые. Гордые, опасные, холодные. Но у них есть слабости. И у тебя есть мозги.

Я усмехнулась и открыла глаза.

Всё как в книге. Герой-красавчик, проклятие, человеческая женщина. Клише на клише. Даже имя у него как у плохого парня.

Я посмотрела в ту сторону, куда он ушёл.

Но я — не героиня дарк романа. У меня есть план. И я выберусь отсюда.

Я улыбнулась сама себе. И снова я осталась одна.

Двор встретил меня тишиной и холодом. Каменные плиты под ногами блестели от влаги, будто их только что окатили водой. Ветер тянул с моря — солёный, пронизывающий до костей, он забирался под мокрую ткань худи и выстуживал тело так, что зубы начинали выбивать дробь. Я стояла, вжавшись спиной в стену, и пыталась осознать, что только что произошло.

Люциус ушёл. Просто развернулся и ушёл, оставив меня здесь. Сказал, что Бормотун покажет мне комнату, и исчез за дверью. И всё. Никаких объяснений, никаких «посиди, я скоро вернусь».

Я тяжело выдохнула и закрыла глаза на секунду. Снова холод. Снова тишина. Снова я одна в чужом мире, где всё дышит магией и опасностью.

И тут мой желудок издал звук, похожий на рык разъярённого зверя. Громкий, требовательный, бескомпромиссный.

Я открыла глаза и посмотрела вниз, на свой собственный живот. Очень хочется есть. Но мы в мире фейри. Я читала, что тут нельзя ничего есть, а то...

Я задумалась. Потому что поняла, что понятия не имею, что именно происходит, если съесть еду фейри. В одних книгах тебя околдовывали, и ты не могла уйти. В других — теряешь

память. В третьих — превращаешься в кого-то другого. Или просто умираешь. Или остаешься здесь навсегда, потому что магия привязывала тебя к этому миру.

Так что из этого правда?

Мой желудок снова заурчал, и я поняла, что мне в общем-то всё равно. Я устала. Я была мокрая, грязная, замёрзшая. И дико голодная.

— И что мне теперь, умереть с голоду здесь, в этом сыром дворе? — спросила я у пустоты. — Ну уж нет. Если они хотели меня убить, сделали бы это уже давно. Может и с едой они не так страшны.

И в этот момент я услышала шаги.

Из-за угла главного входа снова появился Бормотун. Он шёл не спеша, потирая руки, и выглядел одновременно виноватым и довольным.

— Ну что, человеческая женщина, — сказал он, — идём. Я покажу тебе комнату.

— Сначала еду, — ответила я твёрдо. — Я хочу есть.

Он остановился, посмотрел на меня, приподнял бровь.

— Еду? Ах да. Люди чрезвычайно прожорливы, я уж и запомнил.

— Я уверена, что упаду в голодный обморок через пару часов, если не поем, — добавила я. — Так что да. Еду. Сейчас.

Бормотун хмыкнул, но ничего не сказал. Он развернулся и зашагал в сторону главного входа, поманив меня рукой.

— Идём, — позвал меня с собой брауни. — Только предупреждаю: кухня — это владения Маргареты. Она там главная. И она не очень любит, когда кто-то вторгается на её территорию. Особенно люди.

— Маргарета? — переспросила я, следуя за ним.

— Домоправительница. Хранительница замка. Так что не зли её.

Я хотела спросить что-то ещё, но мы уже зашли в коридор, и я забыла, что хотела сказать.

Замок внутри был огромным — высокие потолки, каменные своды, холодный свет, который просачивался через узкие окна. Вдоль стен стояли факелы, которые горели каким-то синеватым магическим светом. Внутри тоже всё пахло солёным прибоем.

Бормотун петлял по коридорам, как будто знал каждый камень на ощупь. И наконец мы оказались в большой комнате, из которой доносился запах дыма, специй и чего-то жареного.

Кухня. Она была большой и уютной. Каменный очаг, в котором горел огонь, большая печь, стол, заставленный какими-то мисками и горшочками. И женщина, которая стояла у плиты и помешивала что-то в большом котле.

Она повернулась, когда мы вошли, и я увидела её лицо. Седая, морщинистая, с глубокими складками у глаз и губ, но при этом в ней чувствовалась сила, какая-то внутренняя, нестигаемая, будто её вырезали из скалы, а потом добавили тепла. Волосы были собраны в тугий узел на затылке, но пара седых прядей выбилась и падала на виски. Глаза — цепкие, внимательные, серые, с едва заметным серебристым отливом, который я не могла понять — то ли блики от огня, то ли что-то другое.

На ней было тёмное платье, простое, но добротное, с длинными рукавами, затёртое на локтях и слегка засаленное у ворота. Поверх — фартук, весь в пятнах, какой-то мучнистый и местами пригоревший. На поясе висела связка ключей — огромная, тяжёлая, такая, что любой другой человек согнулся бы под её тяжестью. Но Маргарета носила её так, будто это был просто пояс, и ключи звенели при каждом её движении, напоминая о том, что здесь всё под её контролем.

Маргарета.

Она посмотрела на меня так, будто я была сорняком, который вырос посреди её аккуратно прополотого сада.

— Бормотун, — сказала Маргарета низким голосом. — Это что такое?

Бормотун выступил вперёд — не шагнул, а именно выступил, расправив плечи и чуть приподняв подбородок. Он одёрнул лацкан своего златанного комзола и посмотрел на Маргарету с выражением брауни, который делает одолжение уже тем, что здесь находится.

— Человеческая женщина, — ответил он. — Гостья. Ей нужна комната и еда.

Он произнёс это так, будто сообщал о прибытии посла. Маргарета перевела взгляд на меня.

— Гостья, говоришь? — она фыркнула. — И что ей здесь нужно?

— Она хочет есть, — сказал Бормотун с той же важностью.

— У меня и так забот много! — отрезала Маргарета. — Я должна готовить, убирать, следить за порядком, а ты мне ещё человеческую женщину притащил! Это же не просто гость, это заноза в заднице! Её нужно кормить, поить, мыть, одевать...

— Я не прошу много, — сказала я, стараясь говорить спокойно. — Я просто хочу поесть. Что-нибудь горячее. И я готова заплатить.

— Чем? — тут же спросила Маргарета, прищурившись. — У тебя же ни монетки нет.

Я замялась. Она была права.

— Ну... — начала я.

— Ладно, — перебила Маргарета и вздохнула с тяжестью, будто я была камнем на её шее. — Садись.

Она указала на большой стол, поставила передо мной тарелку с густым супом, отрезала свежий хлеб. Пахло восхитительно. У меня потекли слюнки.

Но я застыла на месте. Вспомнила, что читала в книгах о еде фейри. Что если съесть что-то в их мире, то ты больше не сможешь вернуться домой. Или тебя заколдуют. Или ты станешь частью этого мира.

— Это... — начала я и замолчала, чувствуя неловкость. — У вас ведь вся еда заколдована, да?

Маргарета уставилась на меня с серьезным выражением лица.

— Что? — переспросила она.

— Еда, — пояснила я, отводя взгляд. — Там, откуда я пришла, говорят, что нельзя есть еду фейри. Что она может... ну...

Я не договорила.

Маргарета посмотрела на меня, потом на Бормотуна, потом снова на меня. И вдруг неожиданно хмыкнула, покачала головой и отвернулась к плите.

— Глупости, — сказала она. — Ты думаешь, я буду тратить магию на то, чтобы сделать свой суп волшебным? У меня у самой сил едва хватает на хозяйство, а тут ещё какая-то человеческая женщина с ерундой в голове пришла. Ешь давай, не заколдую я тебя. Не хочу я связываться с людьми. У меня есть свои заботы.

Я посмотрела на суп. Пар поднимался над тарелкой, в воздухе плавали ароматы трав и специй. Мой желудок заурчал громче прежнего.

— Ладно, — протянула я. — Надеюсь, не умру.

Я села за стол, взяла ложку, зачерпнула суп и отправила в рот.

Горячо. Вкусно. Очень вкусно.

Я закрыла глаза, чувствуя, как тепло разливается по телу. Хлеб пропитался бульоном, в супе был какой-то корень, мясо, травы. Я никогда не ела ничего подобного.

— Ну как? — спросила Маргарета, стоя у плиты и не оборачиваясь.

— Вкусно, — честно призналась я.

— Если бы я хотела тебя заколдовать, я бы сделала это без супа.

Что ж. Зато честно.

Маргарета сняла свой фартук, бросила его на стол, и я поняла, что аудиенция окончена. Она поправила связку ключей на поясе — та звякнула при движении — и жестом велела мне следовать за ней.

— Идём, — сказала она. — Покажу тебе, где ты будешь спать. Только смотри не наделаи мне там беспорядка, поняла?

— Я буду паинькой, — пообещала я, поднимаясь. — Честное слово.

Она фыркнула, но ничего не сказала, и мы пошли по коридору.

Замок изнутри оказался ещё более запутанным, чем я думала. Мы прошли через несколько залов, где на стенах висели старые гобелены с изображениями морских битв, миновали длинную галерею с высокими окнами, из которых открывался вид на тёмное, бушующее море, и наконец остановились перед массивной дубовой дверью.

Маргарета вставила ключ в замок, и дверь открылась с тихим скрипом.

— Заходи, — велела она, пропуская меня вперёд.

Я шагнула внутрь и замерла.

Комната оказалась уютной. Неожиданно уютной для этого мрачного, сырого замка. В центре стояла большая кровать с балдахином из плотной, но лёгкой ткани, которая мягко струилась, чуть колыхаясь от сквозняка. Постельное бельё было белоснежным, с вышивкой в виде морских волн. У стены стоял массивный деревянный шкаф, а рядом — туалетный столик с зеркалом в резной раме. На полу лежал тёплый ковёр, и в камине уже горел огонь, от которого шло приятное тепло.

Но самое главное — большое окно. Оно выходило прямо на море. Я подошла ближе и увидела, как внизу, под обрывом, плещутся волны, разбиваясь о скалы. Пляж — узкая полоса темного песка, а выше него отвесные скалы.

— Здесь есть отдельная ванная комната, — сказала Маргарета, указывая на дверь в углу. — Кровать застелена. Если что-то понадобится — зови. Только не среди ночи, ночью я сплю.

— Спасибо, — поблагодарила я искренне.

Она посмотрела на меня, и в её взгляде мелькнуло что-то тёплое, хотя она тут же спрятала это за привычной ворчливостью.

— Ложись спать. Завтра будет новый день.

И она вышла. Дверь закрылась, и я услышала, как замок щёлкнул.

— Зашибись, — прошептала я в пустоту. — Видимо, чтобы я не сбежала.

Я подошла к двери, дёрнула ручку. Заперто. Ну конечно. В мире фейри даже гостеприимство — это клетка.

Я вздохнула, прислонилась лбом к двери и закрыла глаза. Усталость накатила волной — такой сильной, что ноги подкосились. Я не помнила, когда в последний раз чувствовала себя такой разбитой. Офис, метро, книжный клуб, чай, лес, Бормотун, замок, Люциус, Маргарета — всё смешалось в один огромный, бессвязный ком.

И тут я услышала звук. Шум воды. Я подняла голову и прислушалась. Вода лилась где-то совсем рядом. Из ванной комнаты. Я осторожно открыла дверь и заглянула внутрь.

Ванная оказалась небольшой, но красивой. Стены здесь тоже были темные, в углу стояла большая каменная ванна, в которую прямо из стены лилась горячая вода. Безо всякого крана. Просто вода лилась и лилась, наполняя ванну, и от неё поднимался пар.

Я замерла, глядя на это чудо.

— Магия, — прошептала я. — Сама набирается.

Я подошла ближе, опустила руку в воду. Горячая. Пахнет морем. Идеальная температура. Как будто кто-то знал, что мне нужно.

Я не стала думать. Просто скинула с себя грязную, мокрую одежду и залезла в ванну.

Вода обняла меня теплом, и я выдохнула так, будто держала этот вдох внутри весь день. Мышцы расслабились, голова перестала кружиться, и я просто сидела, закрыв глаза, и чувствовала, как грязь и усталость уходят вместе с водой.

Когда я наконец вылезла, на полотенце, которое висело рядом с ванной, оказалась мягкая хлопковая ночная рубашка — простая, но чистая. Я надела её, почувствовала себя человеком.

Я плюхнулась на кровать. Большую. Мягкую. С балдахином.

Я рухнула на неё, уткнувшись лицом в подушку. Ткань балдахины чуть колыхалась. За окном шумело море.

— Геральт, — прошептала я в подушку. — Надеюсь, я скучаю по тебе больше, чем ты по мне.

Я подумала о нём. О его мурлыканье, о том, как он тыкался носом мне в ладонь, требуя еды. О том, как спал со мной в кровати, свернувшись на подушке, — чёрный клубок, который занимал больше места, чем имел право.

Кровать была слишком большой. Слишком мягкой. Слишком чужой. Я лежала на ней и не могла найти положение. Ворочалась. Подтыкала подушку. Сбрасывала одеяло. Снова подтягивала.

В детстве у меня была своя кровать. Узкая, с пружинами, которые скрипели, если повернуться слишком резко. Я знала каждую её пружину. Каждую трещину в деревянной спинке. Каждое пятно на обоях — мелкие цветочки, повторяющиеся. Я считала их, когда не могла уснуть.

После смерти родителей я спала в той же кровати. Только комната стала другой. Бабушка переставила мебель — шкаф к окну, стол к стене. Сказала: «Так будет больше света». Света не прибавилось. Но цветочки на обоях остались. Я считала их каждую ночь. Пока не засыпала.

Я не помню лиц родителей. Только руки. Мамины — тонкие, с длинными пальцами, с обручальным кольцом, которое она не снимала. Она заплетала мне косы по утрам. Быстро, привычно, как будто делала это тысячу раз.

Папин смех помню. Низкий, раскатистый. Он доносился из кухни, когда они с бабушкой спорили о политике. Я не понимала слов. Но понимала: это хороший звук. Это звук дома.

А потом — «лавина». Я не знала, что это. Мне было лет пять. Я думала — название горы. Или города. Я ждала, что они вернутся и привезут мне сувенир, я просила красивый камень. Что-то, что можно потрогать.

Они не вернулись.

Бабушка села на пол в коридоре. Прижалась спиной к стене. Смотрела в одну точку. Я подошла. Села рядом. Мы сидели долго. Помню обои — те же цветочки, повторяющиеся. Я считала их, водила по ним пальцем. Пока бабушка не встала и не пошла на кухню. Она заварила чай. Мы пили молча. И это было первое «всё будет хорошо», но хорошо не было.

Теперь я лежала в кровати с балдахином. В замке на краю мира. И считала не цветочки — трещины в камне на потолке. Их было мало. Всего три.

— Завтра, — прошептала я. — Завтра я придумаю план, как вернуться домой. Завтра я всё решу.

Камин трещал. Море шумело. Тишина замка обнимала меня, как плед. И я уснула.

Ни свет ни заря я очнулась от того, что с меня резко сдёрнули одеяло.

— Вставай, лежебока! Сколько можно спать! — крикнула в ухо Маргарета.

Я подскочила, как ошпаренная, и уставилась на неё сонными глазами.

— Боже, сколько сейчас времени?

— Уже шесть! — рявкнула она, раздёргивая шторы. — Солнце давно взошло!

В комнату ворвался яркий, золотистый свет. Я зажмурилась, пряча лицо в подушку. Море за окном переливалось серебром и синевой, и где-то внизу, на пляже, кричали чайки.

— Ты чего такая злая? — простила я, пытаюсь спрятаться обратно под одеяло, но его уже не было.

— Злая? — переспросила Маргарета, стоя надо мной с руками на бёдрах. — Я тебя разбудила, чтобы переодеть, а ты ещё и ворчишь! Вставай, вставай, у меня дел полно.

Я села на кровати, протирая глаза. Она уже стояла рядом с какой-то тканью, и я только сейчас заметила, что в руках у неё **платье**.

Небесно-голубое, длинное, струящееся, с вышивкой серебряной нитью по подолу и корсету. И с очень, очень **глубоким декольте**. Я смотрела на него, и у меня внутри всё сжималось.

— Это что? — спросила я, подозрительно прищурившись.

— Платье, — спокойно ответила Маргарета. — Лучше, чем в твоих грязных тряпках ходить.

— Где мои джинсы? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

— Твои обноски я выкинула, оставила только обувь, она добротная, еще может послужить. — сказала она невозмутимо. — Они были грязные, рваные и не подходят для замка.

— Ты что? — я вскочила на ноги. — Это моя одежда! Я в ней домой собиралась возвращаться!

— Домой? — переспросила Маргарета с лёгкой усмешкой. — Ты считаешь, что отсюда можно так просто уйти? Теперь ты будешь носить это.

Она протянула мне платье.

Я уставилась на него, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— Я не собираюсь это надевать, — огрызнулась я. — Это похоже на... на костюм для бала. И декольте такое, что стыдно смотреть.

Маргарета закатила глаза.

— Стыдно? Ты что же, мужчина, чтобы ходить в таких штанах? — она посмотрела на меня с таким видом, будто я говорила глупость. — Я не могу пустить тебя в таком виде по замку. Люди увидят — подумают, что я о тебе не забочусь.

— Я не хочу, чтобы ты заботилась! — выпалила я. — Я хочу свои джинсы!

— Надевай или вообще пойдешь голой! Не заставляй меня уговаривать.

Я посмотрела на неё. Она стояла, скрестив руки на груди, и смотрела на меня с тем же выражением, с каким смотрела на Бормотуна, когда он притащил меня в замок.

Я вздохнула, чувствуя, как внутри всё сжимается. Джинсов нет. Худи нет. Даже, блин, трусов нет! Только платье, которое выглядит как декорация для съёмок дорогого исторического фильма.

— Ладно, — выдохнула я. — Давай сюда.

Она протянула платье, и я взяла его, чувствуя приятную ткань под пальцами — гладкий шелк, прохладный словно вода. Маргарета помогла мне его надеть — и оно явно было мне большеватое.

— Оно же огромное, — сказала я, глядя на себя в зеркало. — Оно висит.

Маргарета подошла ближе, поправила ткань на моих плечах и отошла на шаг, осматривая меня с головы до ног. Она покачала головой.

— Большеватое, — согласилась она. — Сейчас поправим.

Она щёлкнула пальцами.

Платье ожило. Ткань мягко скользнула по коже, прилегая к телу, облекая плечи, талию, бёдра. Я ахнула, чувствуя, как оно уменьшается, подстраиваясь под мою фигуру. Вышивка блеснула на свету, подол мягко колыхнулся, и я вдруг поняла, что оно сидит идеально. Как вторая кожа.

— Ну вот, — сказала Маргарета, кивая с довольным видом. — Так-то лучше.

Я повернулась к зеркалу и застыла.

Я не узнала себя.

Платье облегалo фигуру, но не сковывало движений. Ткань струилась при каждом шаге, а вызывающее декольте, которого я так боялась, оказалось глубоким, но не пошлым. Оно подчёркивало плечи и шею, оставляя пространство для дыхания. Я расчесала свои длинные рыжие волосы, и почувствовала себя... как принцесса. Единственное, что не вписывалось в образ — это мои очки. Но, полагаю, контактные линзы тут вряд ли можно купить.

— Ну принцесса, — пробормотала я, глядя на себя. — У нас такие шикарные платья даже на свадьбы не все надевают.

Маргарета усмехнулась, и впервые я заметила в её глазах что-то похожее на гордость.

— Тебе идёт, человеческая женщина, — подтвердила она. — Теперь ты выглядишь как гостья замка, а не как бродяжка.

Я провела рукой по ткани, чувствуя её прохладу и мягкость. Платье действительно было красивым. Я ненавидела признавать это, но — да, оно шло мне.

— Спасибо, — неохотно сказала я.

— Не благодари, — отмахнулась Маргарета. — Просто не вздумай испортить его до обеда. А теперь завтрак. Ты голодна?

Я перевела взгляд на окно, за которым шумело море. Волны бились о скалы, поднимая фонтаны белой пены, но в этом шуме было что-то тревожное — слишком громкое, слишком настойчивое, будто море пыталось о чём-то предупредить.

Я присмотрелась.

Прямо на пляж, по мокрому песку, из воды выбегала огромная стая крабов. Они двигались быстро, хаотично, словно спасаясь от чего-то, что гналось за ними из глубины. Их тёмные панцири блестели на солнце, клешни были подняты вверх, будто в защитном жесте. Они бежали всё выше и выше по берегу, поднимаясь на скалы, туда, где волны уже не доставали.

Я нахмурилась. Странно. Очень странно. Крабы обычно не покидают воду так массово. Что-то было не так.

— Мари, ты идёшь? — раздался голос Маргареты из коридора. — Завтрак стынет!

Я моргнула, отрывая взгляд от окна.

— Да-да, иду, — ответила я, отворачиваясь от странного зрелища.

Крабы уже скрылись за камнями, и море снова казалось обычным, просто серым и бушующим. Я решила, что это просто местные особенности. В конце концов, я в чужом мире, здесь всё может быть странным.

Я вышла за дверь, и мысль о крабах улетучилась, уступив место голоду.

Завтрак накрыли в малой столовой — светлой комнате с высокими окнами, выходящими на море. За длинным дубовым столом, уставленным блюдами, сидел Люциус. Он уже начал есть, но при моём появлении отложил вилку и поднял глаза.

Я села напротив и окинула взглядом стол. Рыба — запечённая, копчёная, в соусах, морепродукты, какие-то тёмные хлебцы, масло, травы. В центре — большая тарелка с устрицами и горячий чайник, от которого тянуло паром. Пахло так, что у меня заурчало в животе, но я решила не поддаваться. Я села напротив и поймала себя на том, что не могу отвести взгляд.

При ярком свете дня, заливавшем столовую через высокие окна, Люциус выглядел ещё более пугающе, чем в сумраке двора. Эти острые уши, почти прозрачные на просвет, синезелёные глаза, холодные, с вертикальными зрачками, которые сужались, когда он смотрел на меня, волосы снова спадают мокрыми прядями на плечи, оставляя влажные следы на вороте камзола. Ещё вчера я заметила жабры у него на шее — тонкие, пульсирующие в такт дыханию.

Он потянулся за маслом, и воротник его рубашки слегка оттопырился.

Я замерла.

Что это?

Под тканью, на его шее, у самой ключицы, я заметила что-то странное — тёмные, перебивающиеся чешуйки. Маленькие, плотно прилегающие к коже, будто вросшие в неё. Не как

у рыбы — более гладкие, более тёмные, переливающаяся синим и зелёным. Как у змеи или ящерицы.

Они не были заметны издали, но сейчас, при свете, я видела их отчётливо.

Я застыла, не в силах отвести взгляд.

Он перехватил мой взгляд, и его глаза сузились. Так, не пялиться — сказала я сама себе мысленно.

Я обвела взглядом пустой зал. Шесть стульев по бокам, один во главе, и никого кроме него.

— Мы завтракаем вдвоём? — спросила я, присаживаясь напротив. — А где все остальные жители замка? Ты что, один живёшь в такой огромной каменной машине?

Люциус поднял на меня взгляд, но его лицо осталось непроницаемым.

— Теперь один, — ответил он сухо. — Раньше здесь было больше народу.

Я ждала продолжения, но он замолчал, отвернулся к окну и взял чашку, давая понять, что объяснений не будет. Я хотела спросить, куда все делись, но его лицо стало таким замкнутым, что я решила не лезть.

— Я хочу сразу перейти к делу, — сказала я, не дотрагиваясь до приборов.

Люциус вопросительно поднял бровь и отпил из чашки.

— Мы что не можем обсудить дела до завтрака?

— Можем, — ответил он спокойно. — После того, как поедим.

Я фыркнула:

— И долго мне ждать?

Он посмотрел на меня, откинулся на спинку стула и продолжил медленно жевать.

— Столько, сколько я сочту нужным, — сказал он холодно. — Ты уже поняла, что здесь не твой мир, и никто не обязан делать всё по твоему расписанию? Садись и ешь.

Я закатила глаза, но не стала спорить. Села, взяла хлеб, намазала маслом, отпила чай.

Некоторое время мы ели молча. Я смотрела на него украдкой — он держал вилку в левой руке, отрезая куски рыбы. Его движения были точными, спокойными, аристократичными.

Наконец я отставила чашку.

— Теперь я могу задать вопросы? — моё терпение подходило к концу.

Он отложил вилку, вытер губы салфеткой и взглянул на меня с лёгкой усмешкой.

— Ты всё равно задашь их, даже если я скажу «нет». Спрашивай.

— Отведи меня к порталу, наколдуй что-нибудь, произнеси свои волшебные заклинания, или как оно у вас тут работает. — выпалила я быстро. — В общем, мне надо домой. Я уже поняла, что тебе тоже что-то от меня нужно, давай я сделаю это по-быстренькому, а как плату ты отплатишь меня назад? И все будут довольны.

Он смотрел на меня несколько секунд, потом медленно положил салфетку рядом с тарелкой.

— Прямо к делу, — сказал он. — Я смотрю ты не любитель светских бесед.

— Я не люблю сидеть в чужом замке и ждать, пока хозяин соизволит объяснить мне, что происходит, — ответила я. — У меня там кот. И парень. И работа. Блиин, меня же уволят. Получается я сегодня прогуляла работу.

Люциус чуть прищурился, и я заметила, как его зрачки сузились — по-змеиному, почти незаметно.

— Кот, работа, парень, — повторил он, пробуя слова на вкус. — Ты действительно считаешь, что это важно?

Я открыла рот, чтобы ответить что-то колкое, но в этот момент моя рука, потянувшаяся за хлебом, задела стакан с водой. Он качнулся, опрокинулся, и ледяная вода разлилась по столу, заливая моё новое небесно-голубое платье.

— Ой, чёрт! — выдохнула я, вскакивая. Холодная влага растеклась по ткани, пропитывая шёлк, и я чувствовала, как она стекает по животу, собираясь в складках платья. — Чёрт, чёрт, чёрт!

Я начала судорожно оглядываться в поисках салфетки, но под рукой ничего не было. Я прижала ладони к мокрой ткани, пытаюсь хотя бы остановить растекание, но толку было мало. Вода уже впиталась, оставляя тёмное пятно на светлой ткани, и я чувствовала, как платье липнет к телу. Оно было новым. С вышивкой. Серебряной.

— Да ёлки-палки, — пробормотала я, хлопая себя по бёдрам, ища хоть какую-то ткань, хоть что-то, чем можно было бы вытереться. — Ну почему я такая неуклюжая? Маргарета меня убьёт, она говорила не пачкать... а я не просто запачкала, я залила всё платье...

Я уже собиралась поднять подол и попытаться хотя бы отжать ткань, когда поняла, что Люциус смотрит на меня. В его глазах мелькнуло что-то странное — не раздражение, не насмешка. Что-то холодное, внимательное. Он слегка приподнял одну бровь.

Капельки воды на моём платье задрожали.

Я замерла.

Они начали подниматься. Медленно, словно нехотя, но они поднимались — от моей талии, от груди, от рукавов, собираясь в маленькие, блестящие шарики. Вода отрывалась от ткани, не оставляя следов, и парила в воздухе, как ртутные капли. Они плыли над столом, собираясь вместе, сливаясь в тонкую струйку, которая текла обратно в стакан, стоящий на столе. Платье становилось сухим. Идеально сухим. Без единого пятна, без разводов, без следов того, что я только что залила его водой.

Я смотрела на это с открытым ртом.

Вода больше не капала. Ни с платья, ни со стола. Ни следа.

Я перевела взгляд на Люциуса. Он смотрел на меня с лёгким любопытством, и в его глазах мелькнула тень усмешки.

— Как... как ты это сделал? — спросила я, чувствуя, как голос становится почти шёпотом.

Он ничего не ответил. Только поднял стакан, поднёс к губам и сделал глоток, не сводя с меня глаз. Уголок его рта чуть приподнялся — не улыбка, но что-то похожее на удовлетворение.

— Ты подчиняешь воду, — сказала я, чувствуя, как в голове начинают складываться кусочки пазла. — Ты можешь управлять водой. Это же...

И тут в столовую резко открылась дверь, в неё влетел молодой фейри. Высокий, светлые волосы, собранные в хвост, развевались от быстрого шага, лёгкий кожаный доспех блестел на свету. Я сразу узнала его — это был тот самый всадник на ездовой ящерице, который пронёсся мимо меня в лесу.

— Люц, — сказал он с усмешкой, — я понимаю, что у тебя гостя, но там на берегу такое, что тебе стоит взглянуть.

Он перевёл на меня взгляд и чуть склонил голову, улыбнувшись шире.

— А ты, наверное, та самая человеческая женщина. Дэниз, командор. Приятно познакомиться.

Я вежливо улыбнулась в ответ.

— Мари. Тоже приятно.

Люциус переводил взгляд с одного на другого, и на его лице мелькнула тень недовольства.

— Дэниз, не отвлекайся.

— Как скажешь, мой господин, — ответил Дэниз, но в его глазах мелькнул короткий смешок. — Снова нападение на северную деревню. Этой ночью утащили лодку. Прямо из бухты. Рыбаки боятся выходить в море, говорят, что видели что-то большое у берега.

Люциус слушал, и его лицо становилось всё жёстче.

— Кто-то пострадал? — спросил он.

— Нет. Лодка была пустая. Но это уже третья за неделю. Я распорядился подготовить ящериц. Надо взглянуть на место, пока следы не смыло.

Люциус кивнул и встал.

— Идём.

Я вздохнула и поставила чашку на стол. Видимо моё возвращение домой откладывается. Что же здесь происходит?

Делать нечего — я поднялась и побрела на кухню. Если кто и знает, что творится в этом замке, то только Маргарета.

Маргарета стояла у кухонного стола, что-то резала, и даже не обернулась, когда я вошла.

— Нашла меня, значит, — пробормотала она. — Ну, садись. Раз пришла — помогай.

Она кивнула на корзину с тёмными стручками фасоли.

— Шелуши. Нечего без дела сидеть.

Я села за стол, взяла стручок и начала ломать его, высыпая крупные бобы в миску.

— Маргарета. Ты должна мне рассказать, что здесь происходит. Зачем я им понадобилась? Что произошло в море...

Она вздохнула, вытерла руки о фартук и села напротив меня.

— Садись, — сказала она, кивая на табурет напротив. — Это долгая история, а я без дела сидеть не умею. Начну с самого начала.

Я устроилась поудобнее, и она начала говорить, медленно, неторопливо, как рассказывают детям старые сказки.

— Давным-давно, задолго до того, как я появилась в этом замке, между фейри и левиафанами было заключено перемирие. Левиафаны — это морские змеи, древние, огромные, сильные. Они живут в глубине, на самом дне, и охраняют море от тварей, которые хотят вырваться наружу. Понимаешь, Мари, океан не пуст. В нём живут чудовища, которых никто не видел, но они есть. Древние, голодные, злые. Левиафаны сдерживают их. Они сторожат границу между глубиной и поверхностью, не дают этим тварям подниматься.

— Левиафаны, они не злые, — добавила Маргарета, кидая очищенные фасолинки в миску. — У них свой порядок, свой мир. Они не лезут на сушу, не трогают людей, если их не трогать. А фейри не охотятся на них. Так было сотни лет. Мир.

Она замолчала, глядя куда-то вдаль.

— А потом началась война. Несколько десятков лет назад. Война с теми самыми тварями, которых сдерживали левиафаны. Они прорвались. Мы сражались с ними на суше и на море. И в этой битве... Люциус убил одного из стражей левиафанов. Случайно. Сам того не желая. Он бился с чудовищем, а левиафан оказался между ними. И меч Люциуса нашёл его.

Она вздохнула, и я увидела, как потемнело её лицо.

— Он не хотел. Но это случилось. И тогда старейшины левиафанов наложили на него проклятие. «Ты убил одного из нас — теперь станешь одним из нас. Твоя плоть будет помнить воду, твоя кожа будет чешуёй, твои глаза будут видеть глубину. Мы будем расти в тебе, пока не заполним тебя целиком, и ты навсегда уйдёшь в море».

Я перестала шелушить фасоль и уставилась на неё.

— Но зачем зачем было его проклинать, если это случилось случайно?

Маргарета покачала головой.

— Потому что левиафаны не прощают. Даже случайность. Они считают, что за смерть отвечает тот, кто её причинил. И тот должен занять место убитого. Теперь Люциус сам превращается в левиафана, чтобы занять его место в море. Это проклятие. Оно будет расти, Люциус будет терять себя, пока не станет тем, кого убил. Пока он сопротивляется проклятию, но это не может длиться вечно.

Она помолчала.

— Но это не значит, что всё можно просто оставить. Сейчас в море нет стражника. Вместо него — проклятый фейри, который сопротивляется своей сути. А твари, которых сдерживали левиафаны, чувствуют слабость. Они множатся, нападают. Это только начало. Рыбаки не возвращаются, лодки исчезают. В прошлом месяце утащили в море двух девушек, которые пошли купаться. Их тела так и не нашли. Может быть они просто утонули...но я так не думаю.

Я молчала, переваривая сказанное. Бобы выскользнули из моих пальцев и упали обратно в корзину.

— Поэтому я здесь, — сказала я тихо. — Чтобы его спасти.

Маргарета посмотрела на меня.

— Да, девочка. Поэтому ты здесь. Люциус должен был найти существо, чистое от магии, чтобы оно сняло проклятие. Так говорится в древнем манускрипте. Для этого нужен «чистый сосуд», а поскольку в нашем мире все существа так или иначе пронизаны магией — они не подходят. Нужен кто-то из мира, где магии нет. Человек. Поэтому он искал тебя.

Я кивнула, чувствуя, как внутри разливается ироничное тепло.

Ну конечно. Всё как в книгах. Бинго. Вот он — заколдованный красавчик, вот она я — человеческая женщина из другого мира. Всё стандартно, как по учебнику. Я снимаю с него проклятие, он скидывает свою страшную шкурку, я влюбляюсь в него, он делает меня своей невестой, мы живём долго и счастливо.

Я усмехнулась про себя.

Нет. Нет, нет и нет. Этого не будет. Я не буду тут сидеть и ждать, пока судьба меня куда-то приведёт. Я буду действовать.

Я посмотрела на Маргарету и сказала вслух:

— Договор. Мы заключим с ним договор. Я помогу ему снять проклятие, а он поможет мне вернуться домой. Услуга за услугу. Я хочу домой.

Маргарета подняла бровь, но не улыбнулась.

— Договор с фейри — это серьёзно, девочка.

— Я знаю, — ответила я. — Поэтому слова должны быть точными. Я помню, что нельзя давать им лазеек.

Маргарета покачала головой, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Ты не такая, как я думала. Может быть, у тебя и правда что-то получится.

Я взяла новый стручок и начала его шелушить.

— Посмотрим.

Ужин прошёл в полном одиночестве.

Я сидела за длинным дубовым столом, а передо мной стояла тарелка с рыбой, овощами и хлебом, но есть не хотелось. Я ковыряла вилкой кусок, глядя на пустой стул во главе стола. Люциус не пришёл. Значит, он всё ещё там, у моря. Или в деревне. Или где-то ещё, где я о нём ничего не знаю.

Я отодвинула тарелку и вышла из столовой. Замок был тихим. Слишком тихим. Где-то в коридорах гулял ветер, и от этого становилось ещё неуютнее. Я побрела по галерее, разглядывая гобелены, которые висели на стенах вдоль всего коридора.

Они были старыми. Очень старыми. Вышитые серебряной и золотой нитью, местами выцветшие, но всё ещё яркие. На одном был изображён огромный корабль с раздутыми парусами, на другом — битва с чудовищем, у которого было множество щупалец, обвивающих мачту. Я задержалась у этого гобелена, разглядывая детали. Чудовище выглядело живым. Его глаза — тёмные, пустые — казалось, смотрели прямо на меня.

На соседнем гобелене был морской змей — левиафан. Длинное гибкое тело, переливающаяся чешуя, голова с острыми зубами. Он был изображён в момент битвы: вокруг него пена, водовороты, а на спине — маленький силуэт всадника с копьём. Я не знала, кто это был, но чувствовала, что эта картина хранит в себе целую историю.

Я перешла к следующему гобелену. На нём был изображён прибрежный город — белые дома, узкие улочки, синее море на фоне. У самого берега стояла девушка в длинном белом платье и смотрела вдаль. Или она ждала кого-то. Или прощалась.

Я провела пальцем по вышитому шёлку, чувствуя, как под пальцами проступают нити — тонкие, как волоски. Я стояла, глядя на эту картину, и чувствовала, как внутри поднимается что-то странное.

Она ждала. Ждала кого-то, кто не вернулся. Или кого-то, кто ушёл в море.

Я отвернулась. Пошла дальше по галерее, но остановилась у окна. За ним было море. Серое, бушующее, с белыми барашками волн, которые разбивались о скалы внизу. Ветер был сильным, и я слышала его завывание даже через толстые стены.

Что же будет, если это всё не прекратится?

Я задумалась. А если проклятие не снять? Если я останусь здесь навсегда? Что будет с Геральтом? Он же не продержится долго без меня. Макс? Он, конечно, покормит его, но... но Геральт привык ко мне. Я — его человек. Его хозяйка. А я здесь, в этом чужом мире, где всё пропитано сыростью и солью, где утром солнце, а вечером туман, где я не знаю никого, кроме одной ворчливой ключницы и бородатого брауни.

Я прижалась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

«А если я не вернусь?»

Мысль была холодной, как это стекло. Я почувствовала, как по спине пробежал страх.

Нет, я вернусь. Я должна вернуться. Макс... интересно, он уже заявил в полицию о моей пропаже или думает, что я сбежала от него с каким-нибудь любовником на Мальдивы... глупости какие.

Я открыла глаза и посмотрела на отражение в стекле — бледное, испуганное, с влажными глазами. Я не плакала. Я просто замерла на мгновение, ощущая, как внутри тяжелеет.

Я отодвинулась от окна и пошла дальше, стараясь не думать об этом. Но мысли лезли в голову, как вода в трюм корабля. Я вспоминала Макса, его лицо, его голос. Он звонил мне, когда я была на работе? Да, иногда. Писал? Редко. Вечно занят. И теперь я здесь, в мире, где нет телефона, нет интернета, нет связи. И я даже не знаю, заметил ли кто-нибудь, что меня нет.

Я остановилась у следующего гобелена. На нём был изображён замок на скале, окружённый туманом. Похоже на тот, в котором я сейчас живу. Только на гобелене он выглядел величественным и живым — с огнями в окнах, с людьми на стенах. А теперь он был мрачным, сырым и пустым.

Я провела рукой по вышитой ткани, чувствуя под пальцами шершавые нити.

Как же я попала в эту историю? Я же просто хотела почитать книгу. Обсудить её с девчонками. Посмеяться над глупой героиней, которая бросилась в объятия тёмного лорда. А теперь я сама стала такой героиней. Только без любви, без приключений, без магии. Я просто сижу в чужом замке и жду, пока кто-то решит мою судьбу.

Я расправила плечи и пошла дальше. В конце коридора я увидела ещё один гобелен. Он был меньше остальных, и на нём был изображён человек — не фейри, не левиафан, а просто человек. В плаще, с посохом, стоящий на берегу уходящего моря. Я подошла ближе, вглядываясь в лицо. Оно было уставшим, но с лёгкой улыбкой. Как будто он смотрел туда, откуда все уходят, и не боялся.

Я задержалась у него дольше, чем у других.

«Может быть, я тоже так смогу?» — подумала я. — «Смотреть вдаль и не бояться».

Я вздохнула и отошла от гобелена. Замок по-прежнему был тих. Где-то вдалеке звякнула дверь, и я услышала шаги. Я пошла на звук, но никого не встретила.

Только море продолжало шуметь за окнами. И в этом шуме мне слышалось что-то тревожное. Что-то, что ждало меня впереди.

Ночью разразился шторм.

Я проснулась от того, что ветер ворвался в спальню. Окно, которое я оставила приоткрытым, распахнулось настежь, и в комнату хлынул холодный, мокрый воздух, пропитанный солью и водяной пылью. Дождь хлестал в стены, заливая подоконник и пол. Где-то внизу волны бились о скалы с такой силой, что стены замка дрожали.

Я вскочила с кровати, чувствуя, как ступни касаются мокрого ковра. Очки валяются где-то на тумбочке, да и в темноте я ничего не видела — только яркие вспышки молний, которые разрывали небо, и тени, танцующие на стенах.

Я бросилась к окну, но ветер был слишком сильным. Он дул в лицо, обжигая холодом, и я едва могла удержать створки. Мокрые волосы прилипли к лицу, и я чувствовала, как по щеке стекает вода.

— Твою же мать! — крикнула я, но мой голос потонул в рёве ветра.

Я изо всех сил держала окно, пытаюсь закрыть его, но ветер вырывал его из рук. Внизу, где-то далеко внизу, волны с грохотом обрушивались на скалы. Я не видела их, но слышала — как рёв, как дыхание огромного зверя, который просыпался и требовал, чтобы его выпустили.

Я закрыла окно, опустила засов и прислонилась к стене, тяжело дыша. Сердце колотилось где-то в груди, в ушах стучала кровь. Я была мокрой, замёрзшей и напуганной до чёртиков.

В этот момент я поняла, что жутко боюсь. Не просто испугана, а по-настоящему, глубоко, до дрожи в коленях. Я была одна в огромном замке, на краю мира, где вокруг — только бушующее море и ветер, который мог снести всё на своём пути. Я не знала, что происходит там, на берегу. Я не знала, вернулся ли Люциус, не знала, живы ли рыбаки в деревнях, не знала, что будет дальше.

Я прижалась спиной к холодной стене, чувствуя, как вода стекает по лицу и капает с подбородка. Дрожь пробежала по телу. Где-то вдалеке снова разорвалось небо, и свет молнии на мгновение осветил комнату. Я сделала шаг и увидела своё отражение в мокром стекле — бледное, с дикими глазами и мокрыми волосами, похожее на привидение.

Я почувствовала, как внутри поднимается паника. Что, если этот шторм никогда не кончится? Что, если море выйдет из берегов и смоем замок? Что, если я останусь здесь одна и никто не придёт?

Я заставила себя сделать глубокий вдох.

— Ты не одна, — прошептала я. — Ты в замке. Он стоит сотни лет. Он выдержит и этот шторм. А ты переживёшь ночь. Просто переживи ночь.

Я натянула на себя влажное одеяло, забралась обратно в кровать и прислушалась к шуму ветра. За окном всё бушевало. Где-то в коридорах гулял ветер, и звуки шагов, казалось, раздавались со всех сторон. Но я знала, что это просто ветер. Просто ветер.

Я закрыла глаза и постаралась уснуть. И в какой-то момент я провалилась в тяжёлый, тревожный сон, полный звуков волн и рёва ветра.

Утром я открыла глаза в тишине.

Шторм стих. Было слышно только, как вдалеке плещутся волны, но их шум был спокойным, даже мирным.

Я села на кровати и посмотрела в окно. Оно было мокрым, но через стекло я видела ясное небо и спокойное море. Ни облака, ни ветра, ни дождя. Как будто ничего не случилось.

Я встала и подошла к окну. Внизу, далеко под обрывом, волны были высокими, но спокойными. пляж был пуст.

Я перевела дыхание и почувствовала, как страх уходит. Ночь прошла. Шторм ушёл. А я была здесь.

Я открыла окно и пустила в комнату свежий воздух. Воздух был чистым, почти прозрачным. Я наклонилась, опираясь на подоконник, и увидела, как солнце пробивается сквозь облака.

Я сидела у окна в малой столовой, когда услышала шаги и голоса. Много голосов. Они доносились из главного холла — гулкие, уставшие, но живые. Я встала и вышла в коридор.

Они возвращались. Люциус и Дэниз. За ними — человек пять или шесть фейри из гарнизона. Все в мокрых плащах, грязные, с темными кругами под глазами, но на лицах — облегчение. Дэниз что-то говорил, усмехаясь, и Люциус качнул головой, не улыбаясь, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на усталое тепло.

— Смыло всё, я же говорил, — сказал Дэниз, стягивая мокрый плащ. — Ни следов, ни обломков. Море не оставляет улики. Надо было искать до шторма, а не после.

— Мы искали до шторма, — ответил Люциус устало. — И после. И во время. Ты сам видел, что мы обошли всё побережье.

— Видел. Но ничего не нашли. Как будто всё испарилось.

Маргарета уже сутилась вокруг них, снимая с их плеч мокрые плащи, протягивая сухие полотенца и ругаясь:

— Вы что, решили утонуть? Вы промокли до костей! Оба! Садитесь, я сейчас принесу горячий суп. А вы, — обратилась она к остальным фейри, — Идите за мной на кухню.

— Маргарета, ты кудахчешь как курица наседка, — усмехнулся Дэниз, принимая из её рук полотенце и вытирая мокрые волосы. — Спасибо. Есть что-нибудь перекусить?

— Садись, я подам, — проворчала она, но я заметила, как она украдкой улыбнулась.

Люциус сел за стол, и я увидела его лицо. Он выглядел уставшим до предела — тени под глазами, чешуя на шее казалась более заметной, а кожа — бледнее обычного. Он потёр виски, как будто голова болела, и Дэниз тут же хлопнул его по плечу:

— Не кисни. Мы живы, деревня цела, сегодня пропала всего одна лодка. Переживём.

Люциус поднял на него взгляд и почти улыбнулся.

— Ты всегда видишь хорошее, даже когда его нет.

— А что ещё остаётся? — пожал плечами Дэниз. — Нить? Это не мой стиль.

Они говорили легко, по-дружески, как будто знают друг друга уже не один десяток лет. А может и сотню. Сколько там живут эти фейри? Я видела это по их взглядам, по тому, как они перекидывались короткими фразами, без лишних объяснений. Дэниз шутил, Люциус качал головой, но в его глазах не было холода. Только усталость и теплота, которую он никому больше не показывал.

Я стояла у двери, чувствуя себя чужой. В этой картине не было места для меня. Два друга, вернувшихся с опасного задания, и старуха, которая заботилась о них, как о собственных сыновьях.

Дэниз заметил меня и коротко усмехнулся.

— А, Мари. Ты не спишь? А мы вот вернулись. Славная ночь была. Я такую красоту видел — волны выше замка. Ты не боялась?

— Боялась, — честно призналась я. — Думала, замок смочет.

— Он стоит уже пятьсот лет, — сказал Люциус, не глядя на меня. — Переживёт ещё один шторм.

Маргарета поставила на стол дымящийся суп и тарелки с хлебом. Дэниз сразу принялся за еду, Люциус медленно поднёс ложку ко рту, но я видела, что он почти не ест. Просто сидит, смотрит в тарелку.

— Ты не будешь есть? — спросила Маргарета.

— Не хочу, — ответил он.

— Надо есть, — сказал Дэниз, набив рот. — Завтра снова выходим. Нужно проверить дальние деревни.

— Я поем позже, — сказал Люциус, вставая.

Он вышел из столовой, и я слышала, как его шаги затихают в коридоре. Дэниз проводил его взглядом, потом посмотрел на меня и улыбнулся, но в его улыбке была усталость.

— Он всегда так, — сказал он. — Когда проклятие становится хуже, он перестаёт есть. Это пройдет.

Маргарета вздохнула и покачала головой:

— Ничего не пройдет, пока не снято проклятие. — Она перевела взгляд на меня. — А для этого, человеческая женщина, тебе надо будет многое понять. И принять.

Я смотрела на них и чувствовала, что ещё немного — и я окажусь внутри этой истории глубже, чем хотела бы.

На следующий день Люциус и Дэниз снова уехали. Я видела, как они спускались к калитке, как садились на ящериц, как Дэниз что-то говорил, усмехаясь, а Люциус кивал, и они исчезли за поворотом.

Я осталась одна.

Снова.

Я стояла у окна в своей комнате и смотрела, как они уезжают. Море было спокойным, небо — серым, и весь мир казался таким же серым, как эта бесконечная вода. Я смотрела на пустую дорогу, ведущую к деревне, и чувствовала, как внутри закипает глухое, тягучее раздражение.

Я снова одна. В этом замке. С красивыми платьями, сытной едой и ролью «ценной человеческой женщины», которую никто не удосужился просветить, что ей делать дальше.

Прошла неделя. Люциус ненадолго появляется в замке и снова уезжает. Я слоняюсь без дела в томном ожидании. Ну сколько можно?!

Я спустилась на кухню. Маргарета стояла у плиты и помешивала что-то в большом котле. Я села за стол и уставилась на неё.

— Маргарета!

— Ммм, — отозвалась она, не оборачиваясь.

— Когда я смогу вернуться домой?

— Когда Люциус решит, — ответила она, помешивая варево.

— Он снова уехал! — я повысила голос. — Мне сказали, что я — «чистый сосуд», что я должна провести какой-то ритуал. И всё! Я не знаю, что я должна делать! Как мне помочь снять проклятие! И сколько мне ещё ждать!

Маргарета повернулась ко мне. Её лицо было спокойным, но я заметила в глазах тень сочувствия.

— Я знаю, что тебе тяжело, девочка. Но я не могу решать за Люциуса. Он сам решает, что делать и когда.

— Он уехал! — выкрикнула я, вставая. — Он просто уехал! Оставил меня здесь, как вещь! Как какую-то ценную посылку, которую он не знает, куда пристроить!

Я начала ходить по кухне, чувствуя, как гнев поднимается изнутри, захватывая всё моё тело.

— Мне дали красивое платье и туфли, накормили, сказали, что я важна. А по факту — я просто сижу в этом замке и жду, пока кто-то решит мою судьбу! У меня вообще-то тоже есть своя жизнь и дела! Я не могу сидеть здесь и ждать, пока его величество соизволит вспомнить, что я вообще существую!

Я остановилась и посмотрела на Маргарету.

— Я знаю, что я должна сделать. Я должна идти.

— Оо и куда же, интересно узнать? — ухмыльнулась она.

— Ещё не решила, — призналась я. — Но сначала я поговорю с тем, кто притащил меня сюда. С тем, кто сказал «пойдём в замок, там тебе помогут». С тем, кто запер меня здесь.

Маргарета подняла бровь.

— Бормотун?

— Он самый, — сказала я. — Он меня сюда притащил, он будет отвечать.

Я развернулась и вышла из кухни. Маргарета ничего не сказала мне вслед и только рассмеелась.

- Смейся, смейся. Сейчас этому мелкому непоздоровится.

Я шла по коридорам замка, и моя злость росла с каждым шагом. Бормотун. Маленький, хитрый брауни, который сказал: «В замке тебе помогут». Он знал. Он знал, что я не просто гостя, что меня будут держать здесь. Он обманул меня. Сейчас я ему навтыкаю. Мне хотелось на ком-то сорвать свою злость.

Я начала его искать. Заглядывала в комнаты, в кладовые, заглядывала под лестницы.

— Бормотун! — крикнула я в пустоту. — Выходи, я знаю, что ты здесь!

Тишина.

Я пошла дальше. В конце коридора я увидела небольшую дверь — она была полуоткрыта. Я толкнула её и вошла внутрь. Это была маленькая комнатка, заставленная старыми вещами, сундуками и книгами. В углу стоял стул, и на нём лежала серая войлочная шапка.

Я узнала её. Это была шапка Бормотуна.

— Бормотун! — крикнула я. — Я знаю, что ты прячешься здесь. Выходи! Или я начну искать тебя по-другому!

Из-под стола раздалось шуршание. И через несколько секунд из темноты показалась голова с огромной бородой и хитрющими глазами.

— Что ты орёшь, человеческая женщина? — проворчал он, выбираясь. — Я, между прочим, отдыхаю после важных дел. Не всё же мне за порядком в замке следить, пока хозяин отсутствует.

— Значит, ты ещё и отдыхаешь, пока я тут сижу в этом замке, в долбанной клетке! — закричала я. — Ты притащил меня сюда! Ты обманул меня! Сказал, что здесь мне помогут, а теперь я просто сижу и жду! Никто не знает, что мне делать! А ты просто прячешься под столом!

Он поднял руки вверх, будто сдаваясь.

— А ну не кричи! Я хотел как лучше. Ты — редкая вещица. Чистая человеческая женщина в мире фейри — это большая ценность. Так что я решил, что доставлю тебя к хозяину. Это же логично: он богатый, сильный, у него есть замок. Он может тебя защитить.

— Защитить? — я почувствовала, как у меня вскипает кровь. — От кого защитить? От самой себя? Мне нужно домой! А ты запер меня здесь, и теперь я «вещица»!

Бормотун замаялся.

— Ну, ты не вещь, ты... гостя. Дорогая гостя. Люциус о тебе позаботится.

— Да он даже не знает, что со мной делать! Он уехал! Просто уехал!

Я упала на стул и закрыла лицо руками. Меня трясло от злости и бессилия.

Бормотун подошёл ближе и осторожно коснулся моего плеча.

— Эй, не плачь. Я помогу тебе, если смогу. Но ты должна понять: ты здесь не просто так. Ты — его единственный шанс. Если ты уйдёшь, он погибнет. Просто дай ему еще немного времени, мы так долго тебя искали, что уже и не верили, что это случится. Ему нужно решиться.

— Решиться на что? — изумилась я.

— Нуу на ритуал, там не так всё просто...

И тут до меня начало доходить. Ритуал. Женщина. Не может решиться. Что обычно делают с женщинами в ритуалах... О нет. Что, если в этом ритуале есть ещё кое-что, о чём мне не говорят?

Я смотрела на Бормотуна, и в моей голове одна за другой проносились картинки из прочитанных книг. Древние обряды. Жертвоприношения. Кровь. Человеческая жизнь, отданная ради спасения другого. Чистый сосуд — это же не просто «без магии». Это тот, кого можно наполнить. Или опустошить.

Я медленно встала. Бормотун поднял на меня глаза, и в них мелькнула тревога.

— Ты куда? — спросил он.

— Мне нужно подумать, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — В одиночестве.

Я вышла из комнаты, закрыла за собой дверь. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели. Я сделала глубокий вдох. Выдох.

Бежать. Мне точно нужно бежать из этого ужасного места.

Никаких ритуалов. Никаких сделок с фейри. Я вернусь в то место в лесу, где очнулась. Я найду дорогу домой. Сама. Без их помощи, без их «чистых сосудов» и жертвоприношений. Пусть они сами разбираются со своим проклятием, со своим морем, со своими чудовищами. Я не хочу быть чьей-то жертвой.

Я выпрямилась, поправила платье и пошла в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Сердце всё ещё колотилось. Я смотрела на окно, за которым шумело море, и чувствовала, как внутри закипает решимость.

Глава 4. Стены

Наступил вечер. Я проследила, что Маргарета вышла из кухни, и двинулась туда. Сердце колотилось где-то в горле, каждый скрип половицы казался громом, но я двигалась быстро и бесшумно — насколько могла.

Очаг уже погас, только угли ещё тлели, разбрасывая по углам тусклый красный свет. Я огляделась и быстро нащупала в темноте то, что искала: краюха хлеба, кусок сыра, пара твёрдых лепёшек. Всё это я завернула в чистую тряпку, которую сняла с вешалки у двери. Сверток получился плотным и увесистым — хватит на пару дней, если экономить.

Я уже собиралась уходить, когда заметила на полке большой кувшин с водой. Тоже пригодится. Я налила себе в кожаную флягу, которую нашла на столе — видимо, Маргарета оставила её сушиться после мытья. Фляга была старой, потёртой, но чистой. Я закрутила крышку и сунула в узелок. Оружие. Мне нужно оружие. На всякий случай я взяла еще небольшой кухонный нож.

Всё. Теперь только выбраться из замка.

Я бесшумно поднялась к себе в комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, переводя дыхание. Сердце всё ещё стучало. Узелок я спрятала под кроватью — на видное место не класть, мало ли кто заглянет.

Потом я вспомнила про обувь. Маргарета говорила, что оставила мои кожаные кроссовки. Должно быть они в сундуке. Я опустилась на колени и открыла крышку. Внутри лежало несколько платьев, тёплый плащ и... мои кроссовки. Они были здесь. Старые, потёртые, с засохшей грязью на подошвах. Мои.

Я взяла их в руки, чувствуя, как к горлу подступает странный комок. Это была просто обувь. Но она была моя. Из моего мира. Единственное, что осталось от той жизни, кроме воспоминаний о коте.

Я надела кроссовки и завязала шнурки потуже. Чувство было странным — как будто я снова стала собой, прежней Мари, которая не знала, что такое заколдованные замки и чужое море за окном.

Осталось только дожидаться рассвета.

Я села на кровать и прислушалась. В замке было тихо. Где-то далеко слышались шаги, но они стихли. Щелчок замочной скажины. Это Маргарета заперла дверь на ночь. Ветер только изредка шевелил шторы, и я чувствовала, как время тянется медленно, вязко, как смола.

Чтобы не сойти с ума от ожидания, я проверила узелок ещё раз: хлеб, сыр, лепёшки, вода. Всё на месте. Канат, который я заранее приготовила из простыней и штор, лежала в ногах кровати. Я потянула его — держит. Узлы я проверила трижды, но всё равно перевязала каждый.

За окном небо потемнело. Луна скрылась за тучами, и я поняла, что это мой шанс. Темнота — лучший союзник.

Я ждала, прислушиваясь к звукам замка. Где-то внизу хлопнула дверь. Потом стихло. Я ждала. Лучшее время для побега это предрассветные сумерки. Ночью я бы с этой скалы не спустилась: свернула бы себе шею ещё до того, как брауни успел бы сказать «ой». А тут, в этом сером свете, можно было разглядеть трещины, выступы, мох — в общем, всё то, за что полагается хвататься, если не хочешь стать пятном на пляже.

Я сидела на кровати, одетая, поверх одеяла, и слушала тишину. Точнее, не тишину, а её маленькие детали: скрип половицы за стеной, шорох, будто кто-то тряпкой водит по полу. Брауни. Он всегда делал этот обход перед рассветом. Я уже третий день отмечала галочками в голове его маршрут: сюда — скрип, туда — шорох, потом тишина. Как расписание автобуса, только вместо остановок — углы коридора, а вместо кондуктора — невидимый домовый, который терпеть не может беспорядок.

А потом за дверью я услышала тихое, но отчётливое бормотание:

— Я, между прочим, брауни. Помощник самого Люциуса. А не какая-то там прислуга, чтобы за всеми подтирать. Раскидали тут, понимаешь, грязь среди ночи...

Бормотание удалилось вместе с шагами. Я сидела на кровати и улыбалась в темноте, как идиотка.

У меня была гениальная стратегия: оставить ему грязную тряпку. Прямо у двери. Мокрую, с пятном от сажи. Не потому что я злая, а потому что в книгах про фейри это работает: брауни не может пройти мимо грязи. Ему физически плохо от неё становится. В конце концов, я попаданка — мне положено знать такие вещи.

Скрип стих. Шорох удалился. Тишина.

— Так, Мари, — сказала я себе шёпотом, потому что вслух было страшнее, — сейчас или никогда.

Ещё раз проверяю свой канат: «Надеюсь, швея, которая делала эту простыню, любила свою работу». Узлы держались. Вроде. Наверное. По крайней мере, они выглядели так, будто верят в своё предназначение.

Я высунулась в окно. Обрыв уходил вниз, как чья-то плохая идея. Метров двадцать пять, может, больше. А верёвки у меня было... ну, скажем так, ровно столько, чтобы почувствовать себя альпинисткой-любительницей, которая забыла взять половину снаряжения.

«Ладно, — подумала я, — последние десять метров пролезу по скале, как горный козёл. Только без копыт и с паникой в глазах».

Окно открылось с жалобным скрипом. Я замерла. Сердце стучало так громко, что, казалось, брауни мог услышать его даже в подвале. Но за стеной было тихо. Видимо, тряпка сработала: он сейчас где-то возился с ней, мысленно ругаясь на человеческую небрежность.

Я обвязала простынь вокруг ножки кровати — дубовой, тяжёлой, с резными рыбками, которые смотрели на меня с осуждением: «Ты серьёзно? С этой скалы? В твоих городских кроссовках?» Но кровать стояла намертво. Я потянула. Держит. Мешок с едой я привязала на свободный конец верёвки, так она будет меньше раскачиваться, и мне не придётся держать свёрток в руках.

Потом я села на подоконник, свесила ноги наружу и поняла одну важную вещь: я очень не люблю высоту. Вообще. Даже дома балкон шестого этажа вызывал у меня желание держаться за перила двумя руками и не смотреть вниз. А тут... тут не было перил. И балкона. И даже намёка на безопасность.

«Не смотри вниз, — велела я себе. — Смотри на мох. На трещины. На что угодно, только не вниз. Внизу — песок. И, возможно, камни. Но давай пока будем верить в песок».

Я взялась за свою импровизированную верёвку и оторвалась от подоконника. Первые секунды были самыми страшными: тело повисло в воздухе, верёвка натянулась, кровать глухо скрипнула, будто вздохнула: «Ну, удачи». Руки приняли весь мой вес — а он, кстати, был вполне ощутимым, несмотря на мои скромные габариты. Надо было учиться подтягиваться, надо было ходить в тренажёрный зал — карила я себя. Я вцепилась так, что костяшки побелели, и начала спуск.

Ветер трепал мои волосы, выбивая их из пучка, и они развевались за спиной огненным хвостом, пока я цеплялась за верёвку. Узел за узлом. Медленно. Верёвка скользила в руках, пальцы не слушались, и каждый метр давался с усилием. Я прижималась к стене замка, ища опору для ног. Где-то на пятом метре нашёлся выступ — узкий, мокрый, но настоящий. Я встала на него, перенесла вес на ноги и почувствовала, как руки выдохнули: «Спасибо».

Дальше — снова вниз. Я спускалась, прижимаясь к холодной, шершавой стене. На мху руки скользили. Один раз я чуть не сорвалась: ноги соскочили с камня, верёвка дёрнулась, и я повисла, раскачиваясь, с бешено стучащим сердцем. В голове пронеслось: «Вот и всё». Но

я нашла новую точку опоры — корень, торчащий из расщелины в камне. Сухой и крепкий. Как подарок судьбы.

Верёвка кончилась, когда до песка оставалось метров семь-восемь. Я посмотрела вниз, отвязала свёрток с моими запасами провизии и сбросила вниз. Песок в рассветном свете казался темно серым, плотным. Если прыгнуть — можно ушибиться, но не убиться. Наверное. По крайней мере, я очень надеялась, что не убиться.

«Ну что, — пробормотала я, — пора включать режим козла. Только без грации».

Я отпустила верёвку и полезла по скале. Первые три метра — по мху и трещинам, цепляясь пальцами, прижимаясь к камню всем телом. Ноги скользили, колени чиркали об камень — больно, но я старалась не обращать внимания. «Это просто ощущения, — говорила я себе. — Они не имеют значения. Значение имеет только то, чтобы не упасть».

Выступ. Я встала на него, присела. Дальше камень был почти гладкий, вымытый морем. Я попробовала нащупать зацепку — ничего. Пальцы скользили по мокрой поверхности.

Я закрыла глаза. Открыла. Посмотрела вниз.

Песок. Метра четыре. Может, три.

«Ладно. Раз, два... три!» — и я прыгнула.

Удар был жёстче, чем я ожидала. Песок принял меня — не камень, не гравий, а плотный, мокрый песок. Я упала на бок, перекатилась, и первое, что почувствовала, — холод. Песок был ледяной. Второе — боль в ладонях. Я посмотрела: кожа содрана, и из ран сочилась кровь. Колени тоже горели.

Ну, зато жива, — подумала я, вставая. — И это уже достижение. В моём списке «что я сделала сегодня» это будет на первом месте: выжила при спуске со скал, на втором — не стала мокрым пятном на пляже. Меня отчаянно затрясло от выброса адреналина. Колени буквально подкашивались, к горлу подступило чувство тошноты, голова кружилась.

Я посмотрела вверх — на окно, из которого спустилась. Верёвка. Ставни. Издалека это выглядело почти красиво: серое небо, тёмный замок, верёвка из простыней и штор, свисающая из окна. Я вдруг подумала, что весь замок держится не на стенах и не на заклинаниях, а на моём страхе. А теперь страх остался наверху, а я — здесь, на мокром песке, в мокром платье, с ободранными ладонями и с чувством, что сделала самый смелый поступок в своей жизни. Или просто отчаянный. Но это уже детали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.